

Вил, Ред, РР

Galerka und Riadowoi. — Unsere Missverständnisse.

Prix: 50 cent. — 40 pf. — 5 d. — 10 sts.

Социалистическая Социальдемократическая Рабочая П.

3414

Галерка и Рядовой.

1577-ovich

НАШИ НЕДОРАЗУМЪНІЯ.

JN
6598
.R8
A37

ИЗДАНИЕ АВТОРОВЪ.



ЖЕНЕВА.

Кооперативная Типография, Rue Carolina, 49.
1904.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
GENERAL LIBRARY



5744

1517-4

Galerka und Riadowoi. — Unsere Missverständnisse.

Prix: 50 cent., — 40 pf., — 5 d., — 10 cts.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Александровъ, Mikhaïlъ Степановичъ,
Галерка и Рядовой.

НАШИ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

ИЗДАНИЕ АВТОРОВЪ.

Эта страничка была раньше напечатана въ типографіи Партіи съ вѣдома товарищей, завѣдовавшихъ всей технической частью заграничнаго отдѣла Ц. К. Представитель новаго Ц. К. распорядился вырѣзать ее, и запретилъ печатать, какъ обложку, такъ и послѣднюю страничку (объявленіе).



ЖЕНЕВА.

Кооперативная Типографія, Rue Caroline, 49.

1904.

JN
6598
.R8
A37

Наши недоразумѣнія.

Плехановъ, за нимъ Аксельродъ признали паличность нѣкоторыхъ недоразумѣній въ спорѣ между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“. Не считая возможнымъ сводить всѣ причины нынѣшней неурядицы къ однимъ только недоразумѣнιάмъ, я, тѣмъ не менѣе, согласенъ, что недоразумѣнія существуютъ. Ихъ много. Только напрасно Плехановъ ищетъ объясненія ихъ въ злой волѣ отдельныхъ лицъ; лучше направить поиски на существо дѣла.

Недоразумѣнія неизбежны, когда спорящіе толкуютъ о разныхъ предметахъ, думая, что говорятъ объ одномъ и томъ же. У насъ предметъ спора — организація партіи. Вообще въ жизни организаціонныя нормы не выводятся абстрактно-логическимъ путемъ изъ одной абсолютной нормы, а вырабатываются на основаніи анализа, между прочимъ, объекта организаціи и внѣшнихъ условій дѣятельности. Мы споримъ и не замѣчаемъ, что нельзя говорить объ организаціи нашей партіи, какъ чего-то единого, вполне однородного. У насъ паллицо, съ организаціонной точки зрѣнія, не одна, а двѣ партіи: онѣ различны по составу, а условія ихъ жизни и вовсе не сходны. Эти двѣ партіи или части — россійская и заграничная.

Заграничная живетъ въ условіяхъ политической свободы, россійская — подъ эгидой самодержавія; россійская крайне измѣнчива и молода по составу передовыхъ силъ, заграничная имѣетъ постоянное ядро изъ стариковъ-эмигрантовъ. Можно ли примѣнить одинъ организаціонный шаблонъ къ обоимъ этимъ частямъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи?

Но если, обесуждая вопросы организаціи, не проводятъ строго и сознательно раздѣленія обѣихъ

частей партін, то предметъ спора не будетъ совпадать: заграничники будутъ въ большей или меньшей степени исходить изъ заграничнаго опыта и наблюденія, россияне будутъ представлять себѣ только російскія условія и російскій составъ. Люди перестанутъ понимать другъ друга.

Не подтверждается ли это апріорное соображеніе тѣмъ фактомъ, что наше „большинство“ и „меньшинство“, по преобладающей тенденціи, опредѣляются, какъ російскіе и заграничные дѣятели партій? Изъ заграничныхъ литераторовъ, судя по партійной печати, Ленинъ больше всѣхъ виикалъ въ детали практическихъ задачъ російскихъ дѣятелей. Этимъ гораздо проще, чѣмъ злой волей или демагогическими стремленіями, объясняется какъ его успѣхъ среди „большинства“, такъ и непониманіе или, если хотите, непризнаніе его точки зрѣнія литераторами „меньшинства“. Но и у Ленина (я знаю его только по печатнымъ источникамъ) не видно яснаго сознанія, что къ заграничнымъ организаціямъ не приложима російская мѣрка.

Попытаюсь показать, какую роль играли недоразумѣнія при обсужденіи спорныхъ пунктовъ.

Прежде всего — право Ц. К. раскассировывать мѣстные комитеты. Плехановъ называетъ этотъ вопросъ центральнымъ пунктомъ разногласій. Конечно, разсуждая апріорно, лучше всего, если бы мѣстные комитеты были неприкосновенны. Заграничней это осуществимо. Если бы это было такъ же легко осуществимо и въ російскихъ условіяхъ работы, то я бы ни минуты не задумался высказаться за мнѣніе Плеханова. Следовательно, вы стоите теперь за предоставленіе Ц. К. права раскассированія? — спросятъ меня. На это отвѣчу, что данный вопросъ не рѣшается въ такой абсолютной формѣ, и я менѣе всего ожидалъ услышать абсолютное его рѣшеніе отъ Плеханова, который впрочемъ противъ абсолютныхъ истинъ. Я согласенъ принять лишь за руководящее начало принципъ: „Ц. К. безъ особой нужды не долженъ посягать

на самостоятельность мѣстныхъ комитетовъ“. Но тутъ являются новые вопросы. Предположимъ, что какой либо мѣстный комитетъ явно и систематически а) отстываетъ отъ социалъдемократической программы, или б) по своей инертности не удовлетворяетъ запросамъ мѣстнаго рабочаго движенія, или в) включаетъ въ себя лицъ, оказывающихся по испытаніи негодными. — И все это при томъ условіи, что въ томъ же городѣ остаются мало использованными прекрасныя революціонныя силы. Кто знаетъ россійскія условія, частые аресты, трудность восстановленія связей и проч., тотъ скажетъ, что предположенные мною случаи всегда возможны. Можно, конечно, рѣшить: пусть лучше въ отдѣльныхъ пунктахъ дѣло страдаетъ и партія компрометируется, лишь бы не страдалъ принципъ неприкосновенности мѣстныхъ комитетовъ. Но въ такомъ случаѣ почему не идти дальше? Почему, напримѣръ, Пензенскій или Курскій комитетъ будутъ пользоваться большими правами, чѣмъ болѣе важная группа или подкомитетъ Шлиссельбургскаго тракта въ Петербургѣ и т. п.? Вообще, нѣтъ ни логическаго, ни практическаго основанія оставлять право неприкосновенности только за комитетами и не идти дальше. Правда, делегатовъ на съѣзды подкомитеты не выбираютъ. Но вѣдь не партія существуетъ для съѣздовъ, а съѣзды для партіи, — и принципъ долженъ проводиться возможно полнѣе. Въ томъ все и дѣло, возможно ли проводить его при россійскихъ условіяхъ.

Въ предположенныхъ мною случаяхъ негодность мѣстныхъ комитетовъ пагубно отразится только на дѣлахъ ограниченнаго района. Но возможенъ (я бы сказалъ даже: рано или поздно неизбеженъ) случай болѣе опасный. Это — случай провока-торства.

Доступъ провокатора въ мѣстный комитетъ или близость его къ мѣстному комитету можетъ случиться скорѣе и легче, чѣмъ доступъ или близость къ Ц. К. Если провокаторъ ловокъ, то всего вѣроятнѣе, что полиція будетъ щадить мѣстный коми-

теть, который попалъ въ ея руки, и направить все вниманіе на его шногороднія связи. Будуть проваливаться тѣ мѣстные комитеты и тѣ члены Ц. К., которые вступали въ сношенія съ провокаторскимъ комитетомъ. Члены послѣдняго будутъ очень довольны другъ другомъ, будутъ, можетъ быть, работать съ выдающимся успѣхомъ. Департаментъ Полиціи передъ этимъ не остановится. Члены Ц. К., на основаніи разныхъ сопоставленій, первые должны будутъ заподозрить неададное. Попробуйте тогда убѣдить членовъ неблагополучнаго комитета, что онъ — очагъ шпионской работы! Провокаторамъ удавалось такъ дурачить людей, что они готовы были не вѣрить очевидности. Напомню петербургскаго дантиста Михайлова. Что же въ такихъ случаяхъ дѣлать Ц. К.? Я не отвѣчаю: рассказировать. Я только ставлю вопросъ. Этотъ вопросъ стоялъ вѣроятно и передъ „дягушками, просящими царя“: соображенія собственной безопасности и безопасности партіи толкнули ихъ къ отказу отъ своихъ правъ и къ надѣленію Ц. К. особо-большими полномочіями.

Конечно, въ планъ организаціи, за который стоитъ „большинство“ многое анти-соціалъдемократично, если игнорировать русскія условія. И первый, самый главный анти-соціалъдемократическій принципъ — кооптація вмѣсто выборовъ. Но вѣдь кажется и „меньшинство“ не предлагало строить организацію снизу до верху на выборномъ началѣ, — не правда ли? Плехановъ художественно изобразилъ „бонапартистскій“ характеръ Ц. К., который вздумалъ бы подтасовывать мѣстные комитеты для полученія искусственнаго большинства на съѣздѣ. Подтасовка погубила бы организацію — это вѣрно. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что уральскіе представители мечтали о подтасовкѣ, о креатурахъ. Они говорили о правѣ рассказирования, а Плехановъ въ блестящей художественной картинѣ изобразилъ мыслимый случай злоупотребленія этимъ правомъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ: „Представители называютъ *это* (курсивъ мой) цент-

рализмомъ. Полноте, совѣтники! Это просто на просто была бы мертвая петля, туго затянутая на шею партіи, это бонапартизмъ, если не абсолютная монархія старой дореформенной манеры!“

Плехановъ могъ бы еще энергичнѣе клеймить подтасовку (наполненіе комитетовъ креатурами), могъ бы негодовать еще громче, — и уральскіе представители, оставаясь самими собою, могли бы обѣими руками подписаться подъ его рѣчью. Ибо, повторяю, они говорили о правѣ, а не о томъ художественномъ воспроизведеніи злоупотребленія правомъ, которое Плехановъ клеймитъ названіемъ бонапартизмъ.

Но если кто-нибудь скажетъ, что приписывая уральцамъ, чего они не говорили, самъ Плехановъ совершилъ подтасовку съ полемическими цѣлями, то я буду протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ. Подтасовка предполагаетъ сознательность. Плехановъ же въ творческомъ экстазѣ незаметно для самого себя перешелъ отъ публицистики къ беллетристикѣ и принялъ свой вымыселъ за реальность. Это психическое явленіе хорошо извѣстно художникамъ слова:

Порой оцѣть гармоніей улюблюсь;

Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Въ нашей средѣ художественные таланты такъ редки, что я отъ всей души привѣтствую проявленіе этого таланта у Плеханова. Не нужно только принимать беллетристику за публицистику, противъ него я и счелъ своимъ долгомъ предостеречь лишь, которая будутъ перечитывать статью „Централизмъ или бонапартизмъ?“ въ № 65 „Искры“.

Злоупотребленіе, конечно, всегда мыслимо. Какъ предотвратить его? Не организовать ли центральныи комитетъ? А для надзора за нимъ еще верхнадцентральныи? И, конечно, не приписываю какому-нибудь проекту ни „большинству“, ни „меньшинству“.

Повидимому, какъ ни повернись, все плохо: нельзя провести абсолютнаго запрещенія раскassi-

рывать, и нельзя разрѣшить, потому что разрѣшеніе можетъ повести къ злоупотребленію.

Можетъ повести... Милыя слова! Съ какой яркостью вызываете вы во мнѣ воспоминаніе о скромной уютной комнатѣ, о казематѣ одиночной тюрьмы! Тамъ все предусмотрено, тамъ всѣ запрещенія мотивируются опасеніемъ того, къ чему можетъ повести разрѣшеніе. А самодержавная Россія — развѣ это не сплошной казематъ? Все предусмотрено, всюду предупредить проявленіе злой воли, заковать будущее въ ножные и ручные кандалы — это исконная забота самодержавнаго правительства, вѣчная мечта русской бюрократіи. Не намъ подражать ей, не намъ гнаться за Плехановымъ въ желаніи предупредить всякую возможность злоупотребленія правомъ со стороны Ц. К. Наше дѣло — условиться объ общемъ направленіи дѣятельности нашихъ центральныхъ учрежденій, опредѣлить въ самой общей формѣ ихъ права и обязанности. А вопросъ о томъ, какъ наши учрежденія должны проводить въ жизнь условленные общія нормы, нужно предоставить рѣшить имъ самимъ. Нужно положиться на ихъ тактъ, опытность, пониманіе условій. Наше дѣло — помогать этимъ учрежденіямъ и доброжелательнымъ совѣтомъ указывать на ошибки, возможныя во всякомъ дѣлѣ.

— И только? — спроситъ недоумѣвающій читатель, — но тогда гдѣ же искать спасенія отъ злоупотребленій, которыя, какъ вы сами сказали, всегда мыслимы?

— Спасеніе въ социальдемократіи, — отвѣчаю я.

Плехановъ понимаетъ дѣло какъ-то ужъ очень упрощенно. Онъ изобразилъ негодный Ц. К., посадившій креатуръ въ мѣстные комитеты, и воображаетъ, что Ц. К. при этомъ условіи все таки останется центральнымъ комитетомъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, а мѣстные комитеты — мѣстными комитетами этой партіи. Да вѣдь если партійныя учрежденія поведутъ дѣло такимъ образомъ, какъ онъ изображаетъ, то они окажутся просто внѣ социальдемократіи, а социальдемократія внѣ ихъ.

И нѣтъ сомнѣнія, что мѣстная соц.-демократія забьетъ тревогу и организуется заново гораздо раньше, чѣмъ нашъ гипотетическій Ц. К. доведетъ до конца свое преступное дѣло; болѣе того,—онъ самъ умретъ естественной смертью. Побольше вѣры, господа, въ творческую силу и будущность социаль-демократіи, какъ социаль-но-неизбѣжнаго явленія!

— Для этого нужно, чтобы социальдемократія уже существовала въ Россіи, — возразить мнѣ Аксельродъ.

Тутъ мы подходимъ вплотную къ новому источнику взаимнаго непониманія,—къ различной роли возрастнаго состава въ россійской и заграничной частяхъ партіи.

Въ одну повозку впрячь не можно коня и трепетную лань. Старость ходитъ осторожно и осмотрительно глядитъ. Тамъ, гдѣ веденіе дѣла сопряжено съ постоянной опасностью, передовая роль неизбѣжно выпадаетъ на долю молодежи. Въ Россіи, какъ общее правило (единичныя исключенія вездѣ возможны) человекъ посвящаетъ революціонной дѣятельности тѣмъ меньше силъ и времени, чѣмъ онъ старше. У активной молодежи, всегда готовой идти въ огонь, вырабатывается нѣсколько презрительный или пренебрежительный взглядъ на стариковъ, по большей части не въ мѣру осмотрительныхъ. Старики же, если не одержимы собачьей старостью, умѣютъ уважать молодежь. Не даромъ великій русскій писатель и тонкій наблюдатель постоянно говорилъ: „Сословіе мальчишекъ — очень почтенное сословіе“.

Начните знакомство съ составомъ россійской социаль-демократіи отъ наиболѣе активныхъ кружковъ и комитетовъ,—и вы поразитесь молодостью, незрѣлостью ихъ членовъ. Если же копнете поглубже, то за спиной молодежи найдете и беззубыхъ, и плѣшивыхъ, и сѣдовласыхъ. Негодовать на такое распредѣленіе силъ—значитъ негодовать на несовершенство человѣческой природы. Безплодное негодованіе!

Молодежь лично малоопытна, но къ ея услугамъ—

историческій опытъ; она малообразована, до у нея последнее слово науки: она мало конспиративна, но ея сила не въ личномъ долгодѣиіи, а въ невтощности источника силъ. Молодые дѣятели являють поразительно мало, они малообразованы, малоискусны, а движеніе не истребимо: за нихъ, подражающія поколѣнія, за ними — среда опытныхъ образованныхъ, пожилыхъ, но слишкомъ осмотрительныхъ.

Заграницей все наоборотъ. Здѣсь французская, швейцарская, нѣмецкая молодежь когда то своею кровью завоевала свободу для всѣхъ, въ томъ числѣ и для удалившихся сюда русскихъ социал-демократовъ. Въ прекрасномъ далекомъ отъ жандармскихъ управленій трететняя сѣдовласья лани легко усваиваютъ аллюръ гордаго молодого коня. Въ опѣнкѣ личности смѣлость, самоотверженность, сила субъективно-идеалистическихъ побужденій низводятся до минимума, а первымъ мѣриломъ выступаютъ извѣстность и умственный багажъ. Больше проживешь — больше прослывешь, а умственного багажа, по грошику да по копѣечкѣ, довольно ограниченный человекъ къ сорока годамъ насбираетъ больше, чѣмъ имѣлъ его Карлъ Маркъ въ двадцать лѣтъ. Вотъ и получается, что заграничная молодежь боится слово пропустить изъ рѣчи старика, а старички начинаютъ мѣрить достоинство революціонера тѣмъ, кто раньше подъ столъ и бшкомъ ходить началъ. По этой мѣркѣ дѣятели, прѣвѣжающіе изъ Россіи, оказываются эхомъ, щанной, галеркой. Въра въ собственныя силы россійскихъ революціонеровъ пропадаетъ у заграничныхъ старичковъ. Конечно, они могли бы вспомнить собственную молодость, припомнить исторію русскаго революціоннаго движенія¹⁾; но въ разгаръ сѣдоровъ прошлое забывается, и изъ подъ пера пачина-

¹⁾ Единственная въ Россіи попытка создать основу революціонной организаціи изъ солидныхъ людей (партія Нар. Права) потерпѣла жалкое фиаско: она издала одну прокламацію, и вся ея активная часть *безъ стыда* провалилась. А вѣдь въ ней были ворохъ многоопытныхъ, солидныхъ, энергичныхъ людей!

еть тянуться неударимая старческая канитель: — Нѣтъ практиковъ... нѣтъ социаль-демократіи въ Россіи!.. Охъ-ти, Господи, всѣ суставы мозжакать... мочи нѣтъ... что-то будетъ съ Рос. С.-Д. Р. Партіей! Что съ ней будетъ безъ насъ!

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ, и въ старости остался молодымъ.

Успокойтесь, незамѣнимые! Вспомните, что понятіе незамѣнимости отдѣльных лицъ неприменимо къ растущей общественной силѣ, что дѣятель, который вздумалъ бы, напримѣръ, спекулировать на свою незамѣнимость въ социаль-демократической партіи, неизбежно обреченъ на потерю своего вліянія!

Научитесь, заграничные старички и солидные люди, уважать російскую революціонную молодежь, рабочую и интеллигентскую! Поймите неизбежность ея передовой роли въ движеніи! Уча се, учитесь у нея! Вспомните время собственной молодости! Учитесь у нея! Чтобы критиковать, нужно получить увѣренность, что понимаешь. Кажется, нѣтъ на свѣтѣ дѣла болѣе сложнаго, болѣе зависящаго отъ случайностей, болѣе измѣчиваго, чѣмъ работа русскаго революціонера! Чтобы критиковать его дѣйствія, нужно знать всѣ конкретныя условія каждаго отдѣльнаго случая, а не собирать сплетни на периферіи. Самое же главное — не нужно относиться съ предвзято-отрицательной точки зрѣнія, если не имѣешь тому основанія въ глубоко-продуманномъ и вполне ясномъ для самого себя отрицательномъ отношеніи къ самымъ основнымъ принципамъ, которыми руководится въ работѣ критикуемый товарищъ. При оцѣнкѣ дѣятельности русскаго товарища всегда наименьше шансовъ ошибиться, если исходишь изъ предположенія, что эти товарищи добросовѣстно дѣлаютъ все, что позволяютъ сдѣлать вышнія условія. И больше всего шансовъ ошибиться, если исходишь изъ предположенія о наличности злой воли. Не нужно забывать, что субъективно дѣятельность русскаго революціонера опредѣляется чисто идеалистически.

тическими мотивами. Спокойствіе, безопасность, здоровье, свобода, самая жизнь приносятся въ жертву идеѣ. Много ли мѣста остается злой волѣ?

Заграницей возможны случаи, когда работа на партію является вопросомъ честолюбія, общественнаго вліянія или насущнаго хлѣба. Забывая объ этомъ, мы будемъ имѣть новый источникъ недоразумѣній.

Напомню еще разъ основную мысль настоящей статьи. Заграничные товарищи невольно принимаютъ во вниманіе условія заграничной жизни въ большей мѣрѣ, чѣмъ російскіе дѣятели, — невольно упускаютъ и должны упускать изъ виду нѣкоторыя російскія особенности; поэтому при обсужденіи организаціонныхъ вопросовъ посылки для выводовъ у этихъ двухъ частей разныя, а спорящіе думаютъ, что онѣ тождественны. Отсюда неизбежность недоразумѣній.

Перехожу къ слѣдующему случаю взаимнаго непониманія, — къ шумѣвшему вопросу о „винтикахъ и колесикахъ“ (ст. Аксельрода № № 55 и 57 Искры). Заранѣе оговорюсь, что здѣсь источникъ недоразумѣнія нѣсколько иной, — недостаточная освѣдомленность заграничнаго товарища объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ русской жизни. Прежде чѣмъ приступить къ выясненію недоразумѣнія, я долженъ сказать нѣсколько словъ о взглядахъ Аксельрода по существу.

Аксельродъ приводитъ выдержку изъ устава какого то комитета: „Признавая, что при настоящихъ условіяхъ насильственный переворотъ въ Россіи можно провести лишь опираясь на готовую къ повиновенію (курс. Акс.) и къ открытому возстанію рабочую массу... мы главнымъ центромъ нашей работы ставимъ организацію рабочаго класса“. Нельзя не признать, что составители устава обнаружили „классически-наивное“ пониманіе не только предстоящихъ задачъ, но и всего хода историческаго процесса развитія русскаго соц.-дем. движенія, — и Аксельродъ оказывается въ общемъ солидаренъ съ ними, поскольку рѣчь идетъ о прошломъ.

Послушаем Аксельрода.

Русскій пролетаріатъ былъ погруженъ въ глубокой сонъ. Задачу его пробужденія должна была взять на себя интеллигенція, которая вынуждалась къ тому своимъ историческимъ положеніемъ. Ея тяготѣніе къ социализму и пролетаріату вызывается не классовой борьбой пролетаріата, а потребностью всѣхъ классовъ освободиться отъ пережитковъ крѣпостной эпохи. Послѣ пропаганды въ кружкахъ началась экономическая агитація. Появляется Искра и объявляетъ войну экономизму. Политическій итогъ экономической агитаціи выступилъ наружу въ событіяхъ 1901 г. Чтобы толкнуть пролетаріатъ на борьбу съ самодержавіемъ, исторія воспользовалась не рабочимъ движеніемъ, а студенческимъ. Если бы въ періодъ броженія 1901 г. была какая нибудь организованная революціонная буржуазная фракція, способная стать во главѣ рабочихъ массъ, наша партія сразу была бы отгѣснена на задній планъ. Соціалъ-демократы оказались *стихійно-вовлеченными* (курс. Акс.) въ политическую борьбу, а не инициаторами ея; затѣмъ всякое вовлеченіе рабочихъ въ борьбу съ самодержавіемъ приобрѣло въ глазахъ многихъ соц.-дем. значеніе универсальнаго средства классоваго воспитанія. Механическій централизмъ резюмируетъ періодъ вовлеченія въ борьбу съ абсолютизмомъ рабочихъ массъ, уже начавшихъ стихійно проявлять накопившееся въ нихъ раздраженіе противъ полицейскаго произвола. На западѣ рабочія массы сознательны, и проекты *административнаго* (курс. Акс.) подчиненія партіи хранителямъ доктрины не мыслимы. Но въ будущемъ практика поставитъ наше движеніе на такую почву, которая затруднитъ или сдѣлаетъ невозможнымъ противопоставленіе горсти избранныхъ носителей сознательности массѣ рабочихъ и массѣ практиковъ. Тогда и абсолютизмъ потеряетъ значеніе почвы, на которой произрастаютъ централистическія излишества.

Попробую противопоставить аксельродовскому

пониманію исторіи послѣдняго десятилѣтія другое пониманіе.

Разцвѣтъ промышленности, грюндерства и желѣзнодорожнаго строительства, усиливши спросъ на рабочія руки, толкнулъ рабочихъ на путь широкой стачечной борьбы. Подпольное рабочее движеніе вышло на свѣтъ, и сверкнувъ яркимъ пламенемъ, освѣтило путь для интеллигенціи; разбудило ея надежды на освобожденіе отъ самодержавнаго гнета; тепличная интеллигенція потянулась къ рабочему солнцу. На рубежѣ двухъ вѣковъ въ промышленности начинается заминка: она отражается въ сознаніи рабочихъ тѣмъ, что стачечная борьба за частичныя улучшенія быта представляется все менѣе умѣстной. Никогда не останавливающеся рабочее движеніе ищетъ новыхъ путей. Распространяется сознаніе, что причина гнета лежитъ не въ личной волѣ мастеровъ и хозяевъ. Далѣе раздражается кризисъ, профессионально-стаечная борьба становится прямо невозможной. Мысль: боющагося пролетаріата сосредоточена на главной помѣхѣ рабочему движенію; — на самодержавіи. Ростъ рабочаго движенія ободрилъ и несоц. демократовъ: студенты рѣшаются болѣе энергично, чѣмъ когда бы то ни было, протестовать противъ правительственнаго самодурства. Рабочіе пользуются этимъ случаемъ, чтобы выразить свое недовольство политическимъ строемъ. Благодаря участию рабочихъ въ студенческихъ волненіяхъ, правительство идетъ на уступки. Интеллигенція начала смотрѣть на политическія демонстраціи, какъ на данацею, на главное средство борьбы. Но чисто политическія демонстраціи скоро исчерпываютъ самихъ себя. Рацѣе чѣмъ интеллигенція поняла это, южные рабочіе въ Ростовѣ, потомъ и въ другихъ городахъ выдвинули новое орудіе, болѣе острое: всеобщую стачку въ соединеніи съ демонстраціями, при все болѣе усиливающимся крикѣ: „Долой самодержавіе!“ Тогда и въ интеллигенціи заговорила противъ односторонности чисто политической борьбы посредствомъ политическихъ демонстрацій

Въ мой наскоро набросанной схемѣ могутъ быть частныя ошибки; много ошибокъ. Терзайте ее, исправляйте — это будетъ хорошо. А не хорошо то, что марксистъ Аксельродъ, изображая смѣну идейныхъ теченій знаменательнаго десятилѣтія, ухитрился ни словомъ не обмолвиться о смѣнѣ промышленнаго расцвѣта кризисомъ. У него интеллигенція «рассуждаетъ тактику»; интеллигенція критикуетъ и мѣняетъ ее; интеллигенція вовлекаетъ рабочихъ въ движеніе; — словомъ она — пупъ вселенной. Возмущеніе — понятіе «относительное» оно предполагаетъ активность со стороны однихъ, пассивность (повиновеніе) со стороны другихъ, въ данномъ случаѣ рабочей массы. Изъ марксиста Аксельрода нечаянно выскочилъ наружу семидесятиникъ съ теоріей критически-мыслящей личности. Много ли пониманіе Аксельрода отличается отъ классически-наивнаго пониманія составителей комитетскаго устава?

Уральскіе представители обмолвились одной фразой, въ которой отождествили понятія: интеллигенція и революціонная социалдемократія. За это имъ сильно влетѣло отъ Плеханова. Аксельродъ въ длиннѣйшей статьѣ поставилъ вверхъ ногами исторію десятилѣтія, — и ничего, общо благополучно. Впрочемъ, будемъ снисходительны: Плехановъ не способенъ стрѣлять „по своимъ“.

И меньшинство продолжаетъ видѣть въ статьѣ Аксельрода (№№ 55 и 57) квинтъ-эссенцію своего цѣлаго слова¹⁾:

На зарѣ туманной юности впечатлѣнія сильны. Юношескія представленія о предметѣ остаются на всю жизнь, если не было случая подвергнуть ихъ проверкѣ. Если позднѣйшія представленія слабы, ислучены изъ вторыхъ рукъ, то образуется при-

¹⁾ Составленіе историческаго очерка знаменательнаго десятилѣтія (1894.—1904) крайне необходимо. Лучше будетъ, если составитель отложитъ въ сторону „замѣчательныя“ (см. ст. Дана, № 68 „Искры“) теорія Аксельрода и будетъ довольствоваться скромной теоріей Маркса объ отношеніи между сознаниемъ и бытіемъ.

хотливая смѣсь изъ старыхъ и новыхъ представлений; она тѣмъ дальше отъ истины, чѣмъ болѣе измѣнился самый объектъ представленія. Положимъ, вамъ рассказывали о капитальномъ ремонтѣ родительскаго дома, въ которомъ вы не были много лѣтъ. Какъ бы точенъ и деталенъ ни былъ рассказъ, все таки въ вашемъ представленіи домъ будетъ больше похожъ на старый, чѣмъ на тотъ, какимъ онъ сталъ.

На зарѣ туманной юности Аксельродъ видѣлъ, какъ интеллигенція вовлекала рабочихъ; позже онъ слышалъ о массовомъ движеніи, читалъ, вѣроятно, брошюру Петербужца о рабочемъ движеніи въ Петербургѣ и многое другое, — и все таки не можетъ вполне отрѣшиться отъ юношескихъ представлений. Онъ еще не вполне понималъ, что значить рабочая среда, въ которой неблагонадежность — правило, благонадежность — исключеніе, — и не можетъ поэтому сдѣлать необходимыхъ выводовъ. Онъ не представляетъ себѣ, что рабочая среда, какъ цѣлое, живетъ революціонной жизнью, передаетъ политическія новости, обсуждаетъ, строитъ планы борьбы. Ему все рисуется интеллигентъ, увлекающій отдѣльныхъ лицъ. А социаль-демократъ, желающій централизованной организаціи съ раздѣленіемъ труда, представляется ему человѣкомъ, который выхватываетъ облюбованнаго рабочаго изъ сѣрой массы и тотчасъ дѣлаетъ его изолированнымъ винтикомъ или колесикомъ революціонной машины.

Искренне прошу у товарища Аксельрода извиненія за экскурсію въ область его личной психологіи. Онъ самъ вынуждаетъ къ этому. Какъ иначе объяснить слѣдующую его фразу:

„Вся эта многочисленная армія (членовъ организаціи съ раздѣленіемъ труда) раабита на цѣлые ряды разсѣянныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга муравейниковъ, копошащихся каждый въ своемъ углу безъ связи съ другими.“

Если бы централисты-специализаторы и сняли бы съ ума, то какъ бы смогли они всетаки провести на

дѣлѣ разсѣяніе и изолированіе? Вѣдь каждый членъ организациі по личной надобности ежечасно встрѣчается съ другими людьми, — съ рабочими своей фабрики, съ сослуживцами, сосѣдями, родственниками, пріятелями, — которыхъ онъ знаетъ за социальдемократовъ и которые знаютъ его за такового. Чтобы изолировать, какъ изображаетъ Аксельродъ, нужно было бы каждаго члена организациі держать весь день въ намордникѣ, а тотчасъ послѣ фабричнаго свистка вести подъ конвоемъ агента П. К. для исполненія специальныхъ организационныхъ обязанностей.

Рисуя карикатуру на то, чего не знаешь, самъ рискуешь стать смѣшнымъ.

Неудачную карикатуру Аксельрода мы читали. Въ какомъ же видѣ представляется дѣйствительность?

Революціонно-настроенная, хотя и не сплошь сознательно-социальдемократическая среда уже существуетъ. Полиція до извѣстной степени вынуждена мириться съ этимъ фактомъ и не гонится за мнѣніями. Приходится скрывать только поступки. Какъ же скрыть виновниковъ такого, напр., поступка, какъ массовое распространеніе листовъ, и въ то же время распустить ихъ быстро повсюду? Если нѣсколько человекъ будутъ брать пачки и станутъ раздавать направо и налево, то или сами будутъ тотчасъ арестованы, или приведутъ хвосты (щіоновъ) къ типографіи. Чтобы избѣжать этого, должна существовать специально-распространительская организациія подъ руководствомъ комитета. Одно лицо обязуется, тотчасъ по доставкѣ ему тюка, разбить его на части и разнести нѣсколькимъ опредѣленнымъ лицамъ. Послѣднія въ свою очередь обязались развязать пачки и разнести и т. д. Если каждый обязуется разнести только по 5 квартирамъ, и организовано 5 степеней распространителей, то листки попадутъ быстро въ 3905 квартиръ ($5 + 25 + 125 + 625 + 3125 = 3905$). Комитету вовсе не нужно знать всѣ эти квартиры: агентъ 1-й степени знаетъ 5 районовъ, агентъ 2-й степени знаетъ 5

квартиловъ, агентъ 3-й степени въ фабрику, и т. д. Конечно, въ большинствѣ случаевъ довольно будетъ 4, 3, даже 2 степени агентовъ, не обязательно, чтобы всѣ знали по одинаковому числу квартирницой можетъ съ удобствомъ разнести только въ 2 мѣста, — другой — въ 22. Весь мой расчетъ только примѣрный). Распространитель нѣсколько часовъ въ мѣсяцъ является винтикомъ или колесикомъ, — значить ли это, что онъ на всю остальную жизнь разбѣявъ, изолированъ, что онъ не можетъ жить общепартійной жизнью? Почему спрашивается, не можетъ онъ читать „Искру“, совместно съ пропагандистомъ и съ организаторомъ, почему они всѣ трое не могутъ придти къ заключенію, что статьи Аксельрода въ № № 55 и 57 опоздали дѣтъ на тридцать?

Вся задача въ томъ, чтобы въ случаѣ надобности всякій по возможности знать, что онъ долженъ дѣлать, къ кому зачѣмъ обратиться. Иначе по поводу каждаго дѣла, каждый разъ придется поднимать галдежь или бдучи на охоту кормить собакъ.

Откуда же страсти, которыя мерещатся Аксельроду и другимъ заграничникамъ? Мерещатся потому, что они упускаютъ изъ виду совершившійся фактъ — образованіе среды, и представляютъ себѣ по старой памяти революціонера только какъ таинственнаго заговорщика, который отъ всѣхъ прячется. Мы споримъ о различныхъ объектахъ организаци и потому не понимаемъ другъ друга.

Стараясь выяснитъ истинныя недоразумѣнія, я все время исхожу изъ предположенія, что въ основѣ нынѣшняго дѣленія партіи лежитъ дѣленіе состава на россійскихъ и заграничныхъ товарищей. Ленинъ считаетъ источникомъ дѣленія антагонизмъ пролетарской и интеллигентской точекъ зрѣнія. Наши опредѣленія не такъ разнятся, какъ кажется съ перваго взгляда. Дѣйствительно, въ

*) Извиняюсь передъ россійскимъ читателемъ, что занимаю его вниманіе такими пустяками. Но какъ же плаче вразумить заграничныхъ „руководителей“?

Россіи задаетъ тонъ пролетаріатъ и интеллигентная молодежь, не имѣвшая времени закаменѣть въ психикѣ общественнаго положенія интеллигента; за границей же руководящую роль играютъ пожилые литераторы, насквозь пропитанные специфически-интеллигентскими чертами психики.

Мнѣ кажется, что если бы объ спорящія стороны усвоили ту простую мысль, что нельзя подгонять подъ одинъ шаблонъ русскую и заграничную части организации, то значительная часть недоразумѣній разсѣялись бы, и кризисъ утратилъ бы долю своей остроты.¹⁾ Заграничнымъ товарищамъ, усвоившимъ первую мысль, легче было бы сдѣлать и второй шагъ: признать, что они дѣлаютъ независимо отъ своей воли, таланта, образованности, являются менѣе компетентными судьями русской дѣйствительности, чѣмъ русскіе дѣятели. — признать, что заграничная обстановка неизбежно должна искажать ихъ представленія о нуждахъ русскаго движенія. Чтобы признать а priori то и другое, требуется очень немногое отъ социалдемократа: требуется только быть марксистомъ. А между тѣмъ, это признание, сдѣлавъ ихъ болѣе тактичными, освободило бы „колесники“ (беру это слово для удовольствія Аксельрода) русскаго движенія отъ порядочнаго количества сору и значительно смягчило бы антагонизмъ между двумя частями партіи. Но все таки нѣкоторая разница въ пониманіи русскіихъ условій, нѣкоторый антагонизмъ двухъ частей неизбеженъ. Лучшимъ доказательствомъ является Ленинъ, болѣе другихъ эмигрантовъ вникавшій въ детали русской практики.

Въ письмѣ къ товарищу объ организационныхъ задачахъ можно найти слѣды оторванности Ленина отъ Россіи. Напримѣръ, онъ требуетъ обязательной

¹⁾ По вопросу объ отношеніи Ц. К. къ комитетамъ Плехановъ сначала согрѣшивалъ, потомъ раскаялся. Бить покаянные земные доклады не запрещается. Но зачѣмъ же тратить челоуку плату, дробить? Зачѣмъ свое рѣшеніе вопроса о заграничной Лишѣ навязывать организациямъ, дѣйствующимъ въ Россіи?

передачи въ сохранное мѣсто за границей (въ бюро Ц. К. или Ц. О.) нѣсколько адресовъ членовъ каждаго революціоннаго кружка въ Россіи съ цѣлью восстановления связей послѣ арестовъ. Кто знаетъ страшную измѣнчивость состава російскихъ организацій,¹⁾ тому такой проэктъ не пришелъ бы въ голову. Исполняя требованіе Ленина, пришлось бы то и дѣло извѣщать бюро о перемѣнахъ состава и перемѣнахъ квартиры членами кружковъ. Извѣщенія пришлось бы шифровать, расшифровывать, опять шифровать для храненія. Бюро было бы завалено ненужной работой. Есть другія средства; на помощь должны прійти связи съ тюрьмой, а если ихъ нѣтъ, то ловкость, нюхъ, специальный навыкъ. Опытный революціонеръ - практикъ, встрѣтивъ другого въ обывательской квартирѣ и ничего не зная о немъ, очень быстро не только пойметъ его, но и опредѣлитъ его уровень, характеръ, даже приблизительное мѣсто въ организаціи.

Ошибка Ленина показываетъ, что кризисовъ, подобныхъ нынѣшнему, не устранишь присылкой за границу свѣжихъ литераторовъ: черезъ нѣкоторое время они тоже озаграничатся. Антагонизмъ между Россіей и за границей неустранимъ, пока не устранено самодержавіе. Но вредныя проявленія его будутъ минимальны, если заграничники (или болѣе видные изъ нихъ) обладаютъ вниманіемъ, тактомъ, умѣніемъ сознать свои ошибки и признаваться въ нихъ, способностью ставить себя на свое мѣсто. Но бѣда, если заграничники заболѣютъ маніей величія, вообразятъ себя сверхчеловѣками и т. п.! Лучшимъ профилактическимъ (предупредительнымъ) средствомъ противъ такихъ болѣзней является возможно - меньшее проявленіе суздальства со стороны россіянъ: послѣдніе должны почаще вспоминать, что хорошій сапожникъ

¹⁾ Измѣнчивость зависитъ не только отъ полицейскихъ разгромовъ, но еще больше — отъ перемѣны мѣста жительства, перехода изъ одной части организаціи въ другую, изъ одной фракціи въ другую, отъ усталости, разочарованія, несогласія, временныхъ личныхъ обстоятельствъ и проч. и проч.

можетъ быть плохимъ пирожникомъ, что прекрасный теоретикъ скорѣе исключаетъ, чѣмъ предполагаетъ, умѣлаго практика.

Чтобы заграничныя литераторы не разучились понимать россійскихъ товарищей, не нужно отдалять ихъ отъ обыденной практики и замыкать въ изолированную литературскую или редакционную коллегію, какъ это сдѣлалъ второй съѣздъ (отчасти вопреки первоначальному проекту Ленина). Желательно, чтобы литераторы входили и въ практическія организаціи, имѣющія дѣло не съ одной заграницей. Но рѣшающій голосъ въ вопросахъ россійской практики долженъ принадлежать россіянамъ.

Раньше чѣмъ окончить статью, я хочу сказать нѣсколько словъ о недоразумѣніи совсѣмъ особаго рода. Въ статьѣ „Теперь молчаніе невозможно“ Плехановъ выставилъ, не приводя фактовъ, рядъ обвиненій противъ Ц. К. и его заграничныхъ представителей. Аксельродъ увѣрялъ Каутскаго („И.“ № 68), что требованія „Ленина и его приверженцевъ“¹⁾ вырождаются *на практикѣ* (курс. Акс.) въ заурядную, жалкую карикатуру на бюрократическо-автократическую систему нашего М-ва Вн. Дѣлъ.

Наивные герои былиннаго эпоса бывало говорили о себѣ:

— Я, поганый басурманъ Змѣи Тугаринъ, и т. д.

Въ наше время наивные Змѣи Тугарины нашли покой на книжныхъ полкахъ; мы не рискуемъ имѣть ихъ въ составѣ партіи. Поэтому и отъ членовъ одной изъ ея половинокъ мы не ждемъ, чтобы они рекомендовали себя:

— Я, поганый басурманъ членъ большинства такой-то...

Или, выражаясь языкомъ Плеханова-Аксельрода:

¹⁾ Слѣдовало сказать: „большинства партіи и его наиболѣе виднаго представителя заграницей“. Дѣлаю поправку безъ объясненія, надѣясь, что Аксельродъ вообще слышалъ кое-что изъ марксистскихъ взглядовъ на отношеніе между личностью и массой, что онъ сможетъ хоть на минуту отрѣшиться отъ теоріи критически-мыслящей личности.

— Я, бонапартистъ, бюрократъ, жалкая и заурядная карриатура и т. д.

Если я поступаю, какъ жалкая, заурядная карриатура и т. д., то это прежде всего означаетъ, что я не создаю себя карриатурнымъ. И если, называя меня такъ, не только не доказываютъ этого, но даже не приводятъ фактовъ, то я, при самомъ даже критическомъ отношеніи къ самому себѣ, не въ состояніи смотрѣть на обвиненіе иначе, какъ на плодъ воображенія. Въмѣсто того, чтобы послушаться обвинителей и поспѣшить исправиться, я, (и всякій на моемъ мѣстѣ) перестаю относиться къ нимъ серьезно, а ихъ рѣчи начинаю принимать за чарованье сладкихъ вымысловъ.

Постъ сказаннаго понятнo возникновеніе недоразумѣнія, будто уважаемые товарищи Плехановъ и Аксельродъ, которыхъ мы столько лѣтъ считали только за публицистовъ, теперь оказались еще и поэтами. Кое-кто собирался уже поднести лавровые вѣнки трагикъ Плеханову, и комику Аксельроду, признавая ихъ за корифеевъ новой плеяды вдохновенныхъ партійныхъ художниковъ, слова, какъ вдругъ все прочли:

— Данныхъ у меня достаточно (Плехановъ, отвѣтъ Ядову). Если бы я привелъ нѣсколько примѣровъ, то ты призналъ бы, что я — mutatis mutandis — нисколько не преувеличиваю (Аксельродъ № 68).

Значить, они говорили серьезно! Ахъ, какой пассажъ!

Приходится распутывать недоразумѣніе.

Я съ своей стороны увѣренъ, что Плехановъ и Аксельродъ дѣйствительно имѣютъ въ виду опредѣленные факты. Но моей догадкѣ, недоразумѣніе вышло вслѣдствіе того, что они видятъ въ этихъ фактахъ карриатуру и т. д., а виновники фактовъ считают ихъ нормальными для революціонера. Чтобы судить, кто правъ, нужно имѣть эти факты передъ собою. Съ сожалѣніемъ, я ничѣмъ не могу подтвердить своей догадки, не могу указать на спорные факты. Я безпомощенъ. Не по-

могут ли мнѣ Плехановъ и Аксельродъ? Конечно, я не пристаю, какъ тов. Лядовъ, съ ножомъ къ горлу: помогайте!) Напротивъ, если они считаютъ безразличнымъ, по какому отдѣлу исторіи литературы ихъ запишутъ, то, пожалуй, и трудиться приводить факты не стоитъ, — развѣ что лавровые вѣнки зря посохнутъ.

Я окончилъ статью и задумался: какими псевдонимомъ подписаться? Мнѣ вспомнился Мартовъ и его великоблѣнное презрѣніе къ галеркѣ, которая рукоплещетъ Ленину. Въ качествѣ микроскопическаго сорѣтника Иванова, плеца поганого басурманскаго большинства, я никакъ не могу вмѣстить пространнаго Мартовскаго великоблѣнія. Мартовъ презираетъ галерию... Для кого же бѣнъ пийтѣ? Мужелин для генераловы кресель и для кутихъ бель-этажа?

Я люблю театръ, и почему то такъ стучатся, что всегда попадаю на галерку. Публика галерки мнѣ по душѣ, я чувствую себя вдѣсь между своими. И къ вамъ товарищи по мѣсту въ театрѣ и по работѣ въ партіи, къ вамъ рабочіе, студенты, курсистки и всякаго рода поднадзорные, будетъ мое послѣднее слово. Я обращаюсь къ вамъ съ просьбой: извините меня за то, что овои' единоличныи' трудъ осмѣливаюсь поднимать пашнимъ общимъ собирательнымъ именемъ.

Галерка.

*) Нообще, не слѣдуетъ пугать людей, когда хочешь объяснитьсь: отъ испуга можетъ приключиться родимчикъ, и челоуѣкъ вместо дѣла понесетъ окоселету о томъ, былъ ли онъ у' непо- вѣда и причастія.

Недоразумѣнія разсѣялись!

Партиіной смуть не предвидится конца.

Крутая ломка нашей психики — условіе успѣшной ликвидаці кружковаго періода. Партиія несетъ за собою и освобожденіе, и стѣсненіе личности. По сравненію съ кружкомъ, въ партиі больше простора для самостоятельнаго убѣжденія: какъ большее цѣлое она не можетъ равнять убѣжденія членовъ подъ одинъ ранжиръ. Слѣдствіемъ является большее уваженіе къ чужому мнѣнію. По сравненію съ кружкомъ, въ партиі больше стѣсненія самостоятельности дѣйствій; нужно сообразоваться съ ходомъ жизни и интересами большинства цѣлаго. Принципъ законности получаетъ значеніе неизвѣстное кружкамъ. При переходѣ отъ кружковъ къ партиі особенно трудную ломку должны продѣлать надъ собою бывшіе вожаки кружковъ, стоявшіе каждый во главѣ своего однороднаго цѣлага и не привыкшіе давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Мысль, что партиія и кружокъ требуютъ различнаго психическаго склада участниковъ, была кажется не совсѣмъ чужда Мартову, когда онъ вернулся въ составъ редакціи. Къ сожалѣнію ни Мартовъ, ни редакція въ цѣломъ не развили этой мысли и не устояли на партиіной точкѣ зрѣнія. Центральныи органъ партиі скоро превратился въ боевой органъ „меньшинства“ противъ „большинства“. Получилось положеніе: органъ безъ партиі и партиія безъ органа.

Горькое положеніе! Сила вся души великая въ дѣло братоубійственной войны ушла. Въ статьяхъ противъ большинства и мысль, и страсть, и сила; во всѣхъ прочихъ статьяхъ — вода и ни одной свѣжей мысли. Не лучше дѣло обстоитъ и

у большинства. Слѣдуетъ заключить, что существуетъ общая причина литературнаго безплодія. Перечтите для примѣра статью Плеханова: „Теперь молчаніе невозможно“ и отвѣтъ Лядову. Эти крохотныя по размѣру статьи писаны кровью сердца и сокомъ нервовъ. До и послѣ такой работы способность думать о другихъ предметахъ падаетъ почти до умственной протраціи. Мудрено ли, что мы теперь такъ рѣдко слышимъ столь нужную для партіи руководящую рѣчь Плеханова по вопросамъ, не имѣющимъ отношенія къ смутѣ?

А Ленинъ? Никто не заподозритъ его трудоспособности вообще. Но онъ за много мѣсяцевъ смогъ написать только одну брошюру по вопросу о смутѣ: эта брошюра изушила его мозгъ и можетъ быть надолго лишила трудоспособности.

Не то же ли сталося и съ другими партійными литераторами? Понятно, что ростъ партійной литературы, вѣвъ вопроса о смутѣ, остановился.

Оглянитесь наконецъ кругомъ себя: о чемъ говорятъ въ заграничныхъ русскихъ социалдемократическихъ кружкахъ съ наибольшимъ интересомъ? къ чему постоянно возвращается ваша мысль? Это все онъ же, проклятый вопросъ о большинствѣ и меньшинствѣ, получившій характеръ психоза (навязчивой идеи).

И это при условіи, что общіе принципы обѣихъ сторонъ такъ близки, программа одна, пониманіе задачъ почти одинаково, — при условіи, что въ Россіи обѣ стороны работаютъ совмѣстно въ комитетахъ. Гдѣ же причина такой страстности междусобія?

„Меньшинство“ характеризуетъ тактику противника, какъ бюрократизмъ, бонапартизмъ, осадное положеніе. Черта, общая всѣмъ этимъ тремъ терминамъ — отсутствіе гарантіи правъ личности, вплоть до права на существованіе. Это царство бѣлаго террора; наиболѣе виднаго члена большинства можно безъ особой натяжки приравнять къ Робеспьеру (смотри отчетъ Сиб. Дел.).

Противъ ножа гильотины законна всякая борьба,

— и меньшинство совѣтъ не двусмысленно высказало стремление отпирать на политическую гильотину самого „Робеспьера“. Въ такой борьбѣ не задумываются надъ средствами.

Полно, господа! Если идеи на пути не улавливаются, то следовательно и трудные вопросы партійнаго роста смертными казнями не разрѣшаются!

Передо мной совѣтъ еще недавно (по особымъ обстоятельствамъ) стоялъ вопросъ: куда примкнуть? Со сторонами я могъ познакомиться только по печатнымъ источникамъ и проникся сильнѣйшимъ предубѣжденіемъ противъ большинства за его бюрократизмъ, бонапартизмъ и практику осаднаго положенія. Я готовъ былъ растерзать Ленина за его фразы объ осадномъ положеніи и кулакѣ. Оставалось примкнуть къ меньшинству. Но вотъ бѣда: я не могъ найти въ печати указанія на такіе общіе принципы, которые по своей ясности, важности и неотложности оправдали бы революціонный образъ дѣйствій по отношенію къ съезду и его постановленіямъ. Легко смотреть на рѣшенія съезда, можно только въ томъ случаѣ, если видѣть въ немъ не съездъ, а съюзъ, какъ выражается Рязановъ; но принять взглядъ Рязанова я по совѣсти не могъ. Оставалось выбирать одно изъ двухъ:

Первое: Подвергнуть себя тиранніи осаднаго положенія, подчиниться требованію „слѣпому повиновенія“, узкому толкованію партійной дисциплины“, возведенію принципа „не разсуждать“ въ руководящій принципъ; признать за высшими учрежденіями „власть приводитъ свою волю въ исполненіе чисто механическими средствами“ и т. д. (См. протоколы съезда Лиги, предисловіе Дана и Лисенко стр. VI).

Второе: Стать подъ знамя возстанія, помочь разрывать уже сѳорматизованную партію, и не въ силу расхожденія въ основныхъ принципахъ, а изъ-за недовольства деталями устава и способомъ его примѣненія.

Ни туда, ни сюда. Положение трагическое.

Читаю дальше Протоколы Съезда Лиги: „Циркуляръ Ц. К.“ и т. д. Читаю и негодую: „Вотъ онъ, дезорганизацiонскій бюрократизмъ! не успѣли обшосить мундировъ, а уже строчатъ циркуляры!“ Ищу бонапартизма въ содержанiи циркуляра, и узнаю, что Ц. К. обратился къ Лигѣ съ приглашенiемъ помочь преобразованiю Лиги съ цѣлью: а) допустить въ нее бывшихъ борбистовъ, рабочедѣльцевъ и т. п.; б) образовать по городамъ секции Лиги „съ большей или меньшей автономностью“.

Дезорганизацiонское третированiе (см. Аксельрода) и желанiе облегчить доступъ въ партiйныя организацiи представителямъ всехъ социалъдемократическихъ теченiй! Требованiе слѣплаго повиновенiя и автономiи секций! Тутъ что то не такъ... Въ новомъ уставѣ Лиги объ автономiи секций нѣ слова: кто же были эти бонапартисты, помѣшавшие провести принципъ автономiи? Во всякомъ случаѣ, если Ц. К. допускаетъ борбистовъ и рабочедѣльцевъ, то и мнѣ не запретятъ „разсуждать“. Такъ разсѣялся одинъ изъ кошмаровъ, давнѣйшихъ меня послѣ прочтенiя предисловія къ протоколамъ съезда Лиги. Я началъ понимать, какое большое мѣсто въ рѣчахъ и статьяхъ меньшинства занимаетъ беллетристика. Чтобы опредѣлить, насколько новыя беллетристы вѣрны завѣтамъ реалистической школы въ искусствѣ, я рѣшилъ поближе познакомиться съ тѣмъ, какъ проводятся на практикѣ принципъ бюрократизма, бонапартизма и осаднаго положенiя. И то ли ужъ неудачи меня преслѣдовали, только я узналъ многое, а гильотины всетаки въ работѣ у „большинства“ не видать, робеспьеровъ не встрѣчалъ, требованiя слѣплаго повиновенiя не слышать. Осмѣливался даже почтительно разсуждать, — и ничего, живъ!

Скажу еще. Я выявилъ, что оставляя пока про себя, какъ не относящуюся къ дѣлу, свою оцѣнку дѣйствию большинства и меньшинства на съездѣ и послѣ съезда, я не вижу въ настоящее

время основаній къ революціонному образу дѣйствій противъ учреждений, избранныхъ съѣздомъ. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы встрѣтить самое лучшее товарищеское отношеніе со стороны большинства, чтобы получить работу по своимъ силамъ и вкусу, безъ всякихъ не нужныхъ стѣсненій. По личному опыту и по наблюденію я убѣдился, что страшныя слова: бюрократизмъ и т. д. — по меньшей мѣрѣ недоразумѣніе. Когда же Плехановъ, а за нимъ и Аксельродъ, заговорили въ печати о наличности какихъ то недоразумѣній, я рѣшилъ заняться раскрытіемъ причины недоразумѣній, и написалъ свою первую статью. Получивъ № 68 „Искры“ я сталъ колебаться: стоитъ ли эту статью печатать? Колебаніе было вызвано рѣшеніемъ Совѣта, опубликованнымъ подъ № 3 въ № 68 Ц. О. Совѣтъ обсуждалъ вопросъ о томъ, можетъ ли Ц. К. нарушать автономію мѣстныхъ комитетовъ, вводя въ нихъ, противъ ихъ воли, новыхъ членовъ. Для спасенія автономіи Совѣтъ рѣшилъ, что мѣстные комитеты имѣютъ право отказываться отъ принятія новыхъ членовъ, рекомендуемыхъ Ц. К.; но Ц. К. имѣетъ право апеллировать въ этихъ случаяхъ въ Совѣтъ. Слѣдовательно, рѣшающій голосъ принадлежитъ Совѣту.

Прочитавши это постановленіе, я вздохнулъ съ облегченіемъ: партійная смута кончена! Я ждалъ, что Плехановъ обратится къ сторонникамъ меньшинства съ такой приблизительно рѣчью:

— Товарищи! „Я централистъ, но не бонапартистъ. Я стою за созданіе сильной централистической организаци, но я не хочу, чтобы центръ нашей партіи съѣлъ нашу партію... Указанный мною вопросъ есть центральный пунктъ всѣхъ нашихъ организационныхъ споровъ. Какъ только онъ получитъ надлежащее разрѣшеніе, всѣ остальные спорные пункты уладятся почти сами собой“. („Искра“ № 65). Теперь этотъ вопросъ рѣшенъ: Ц. К. не можетъ наполнять мѣстные комитеты своими креатурами, — нѣтъ болѣе мѣста бонапартизму. Протеста противъ постановленія Совѣта не

последовало. Конечно, насъ будутъ упрекать: будутъ говорить, что объявляя себя врагами бюрократизма, мы на дѣлѣ усиливаемъ бюрократизмъ тѣмъ, что переносимъ мѣстныя дѣла на рѣшеніе заграничной коллегіи; будутъ говорить, что Совѣтъ, присвоивая себѣ право поподнять мѣстные комитеты, съ согласія Ц. К., креатурами центральныхъ учреждений, вовсе не является охранителемъ автономіи мѣстныхъ комитетовъ. Но все это будутъ говорить лишь люди, неспособные вмѣстить открытыхъ мною новыхъ законовъ діалектики. Метафизически-мыслящее бюрократическое большинство. — рабы формальности и не посмѣютъ нарушать постановленія Совѣта. Какъ бы то ни было, опасность бонапартизма устранена. Теперь надъ нами не каплетъ. Нужно прекратить взаимную потасовку; теперь можно обсуждать принципы болѣе хладнокровно и внимательно, безъ взаимныхъ попрековъ и обвиненій. Прекратимъ же братоубійственную войну, начнемъ ближе присматриваться къ дѣятельности большинства, чтобы не давать мѣста недоразумѣніямъ, а главное — поспѣшимъ по возможности наверстать потери партіи и займемся положительной работой. Повторяю: „все остальные спорные пункты уладятся почти сами собой“. („Искра“ № 65, напеч. курс.)

Къ сожалѣнію, мы не услышали такой или подобной рѣчи Плеханова. Вотъ уже скоро годъ, какъ два раза въ мѣсяцъ мы надѣемся: „—Этотъ № „Искры“ — вѣроятно послѣдній номеръ, который посвященъ партійной смутѣ“. И два раза въ мѣсяцъ терпимъ разочарованіе. Тоже разочарованіе принесъ и № 69. Если походъ противъ большинства или отдѣльныхъ его представителей продолжается въ Ц. О. партіи и послѣ постановленія Совѣта, то слѣдуетъ думать, что дѣло не такъ просто, какъ указывалъ Плехановъ въ № 65. Очевидно, редакціи Ц. О. удалось глубже проникнуть въ сущность разногласій; дѣйствительно, въ № 69 мы находимъ новую ихъ формулировку. Мартовъ пишетъ:

— „Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ, вопросъ... Разносторонняя социалъдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ“ въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самостоятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ“.

Мартовъ блестяще углубилъ и разъяснилъ вопросъ.

Чтобы облегчить читателю получение представленія о томъ, на какія двѣ фракціи дѣлится до сихъ поръ наша партія, каковы желанія каждой изъ нашихъ фракцій, я напишу формулировку Мартова въ слѣдующемъ видѣ:

Чего хотятъ

Добродѣтельныя

(по старой терминологіи —
левый блокъ)

1. Пролетарской партіи.

2. Разносторонней социалъдемократической тактики, развивающей элементы *такой* партіи.

3. Политической самостоятельности пролетаріевъ.

Порочныя

(по старой терминологіи, —
большинство)

1. Организаціи интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ.

2. Упрощенной тактики „вовлеченія массъ“ въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата.

3. Вѣчной опеки надъ пролетаріями непролетарской организаціи.

4. Почитанія родите- 4. Неуваженія къ ро-
ей, законныхъ браковъ, дителямъ, оскверненія
оспитанія дѣтей: дѣвъ, разбиванія мла-
денцевъ о камни.

Приимая въ соображеніе и добавленныи мною
четвертый пунктъ, — за кого вы, читатель? На-
бюсь за добродѣтельныхъ? И мы (галерка) тоже
а нихъ.

Отбросивъ четвертый пунктъ, за кого вы, чи-
татель? Всетаки за добродѣтельныхъ? И мы тоже
а нихъ.

Эффектъ въ обоихъ случаяхъ совершенно оди-
аковый. Bravo! Нѣтъ теперь въ партіи ни боль-
шинства, ни меньшинства, все стали добродѣтель-
ными! Единство возстановлено!

А что скажете микроскопическій абсолютъ,
неукротимый дезорганизаторъ Ленинъ? О, его мы
еверь не боимся! Онъ сраженъ на смерть од-
нимъ храбрымъ тамбовскимъ дворяниномъ, надъ
его могилой прочитано Мартовымъ надгробное
слово! Смута въ партіи разрѣшилась къ общему
лагополучію.

Теперь пужно объяснить, зачѣмъ я добавилъ
четвертый пунктъ. Какъ Сервантесъ убилъ ры-
арскіе романы своимъ Донъ-Кихотомъ, такъ Мар-
овъ сокрушилъ злодѣевъ изъ большинства своей
есой въ № 69 „Искры“. Но ужъ если бить, то
а смерть! Я хотѣлъ помочь Мартову, усилить
ффектъ его мелодрамы. Вѣдь если изобразить
елодраматическаго злодѣя не во всѣхъ сферахъ
го жизни, то у зрителя можетъ зародиться подоз-
ѣніе, что данный герой, будучи злодѣемъ въ об-
дественной жизни, у себя дома является примѣр-
ымъ семьяниномъ, Отъ такого подозрѣнія одинъ
агъ до сочувствія, особенно если у зрителя есть
очерн-невѣсты. Нѣтъ! Ужъ если злодѣи, то зло-
ѣи во всемъ и всегда, — таково неизмѣнное тре-
ованіе мелодраматическаго искусства.

Поставленная на сцену съ моими добавленіями
даже безъ оныхъ, пьеса Мартова произведетъ
уроръ. Стыдятся недавнихъ жидкихъ рукоплес-

каній Ленину, мы разразимся громомъ аплодисментовъ по адресу Мартова. Театръ задрожитъ отъ криковъ: автора! автора! Съ галерки полетятъ вѣнки. Успѣхъ смягчаетъ сердце, — и Мартовъ милостиво подниметъ одинъ изъ вѣнковъ, брошенныхъ съ презрѣнной галерки.

Апофеозъ: члены редакціи и сотрудники новой „Искры“ держать надъ головой Мартова лавровые вѣнки, перевитые номеромъ 69 „Искры“. Роза Люксембургъ, простирая руки надъ вишновникомъ торжества, благословляетъ его. На заднемъ планѣ, надъ могилой Ленина, блеститъ свѣжій осиновый колъ. Шествіе, подъ маршъ изъ оперы Карменъ, вокругъ могилы Ленина.

Однако, не пора-ли литераторамъ меньшинства перестать чаровать публику сладкими вымыслами, не пора ли сказать о товарищахъ изъ большинства хоть слово прозы? На одной поэзіи не далеко уѣдешь...

Галерка.

Наконецъ-то! ¹⁾

Итакъ, намъ, сторонникамъ партійнаго большинства, дана будетъ возможность систематически, въ литературной формѣ статей, высказываться на страницахъ центральнаго органа партіи. Это формально заявлено въ 66 № „Искры“, въ отвѣтѣ редакціи на резолюцію Тверскаго Комитета... Мы очень рады этому, и конечно, воспользуемся разрѣшеніемъ. Странно только одно. Въ своемъ отвѣтѣ на резолюцію, которая, повидимому, и имѣла отчасти въ виду добиться такого заявленія, редакция дѣлаетъ видъ, что эта полная возможность для насъ высказываться въ „Искрѣ“ была чѣмъ-то само собою подразумевающимся, и если сторонники большинства ею не пользовались, то виноваты только они сами. Къ сожалѣнію, это не вѣрно.

Когда какой-нибудь литературный органъ желаетъ дать мѣсто на своихъ страницахъ статьямъ противниковъ, противъ которыхъ ведетъ ожесточенную полемику, то онъ *сообщаетъ* имъ это. Въ противномъ случаѣ, со стороны противниковъ было бы просто съизбытокъ посылать свои статьи въ редакцію; лучше ужъ адресовать ихъ прямо въ редакціонную корзину. Гдѣ и когда редакція приглашала насъ высказываться?

Въ прошломъ году редакція „Искры“ два раза выступала съ такими приглашеніями. Но... оба они къ намъ не относились. Въ первый разъ это было при старой, „неуступчивой“ редакціи сторонниковъ большинства: Плехановъ и Ленинъ обращались къ *матераторамъ меньшинства* съ просьбою высказаться въ „Искрѣ“. Тѣ предпочли отвѣтить официальнымъ заявленіемъ о бойкотѣ. Во второй разъ это было уже при нынѣшней редакціи: она предлагала *комитетамъ* присылать резолюціи по поводу положенія дѣлъ въ партіи, и общала печатать эти резолюціи безъ различія направленій. О статьяхъ отдѣльныхъ членовъ большинства тамъ ничего не говорилось. Кажется, дѣло ясное...

Редакція напоминаетъ о напечатанномъ ею письмѣ тов. Александрова. Но письмо это представляло изъ себя скорѣе рядъ вопросовъ, чѣмъ полемику. Какіе выводы могли мы сдѣлать изъ этого факта, когда мы знали, что тогда же полемически выяснявшееся въ письмѣ Ленина было не то отклонено, не то отложено въ долгій ящикъ. Мы, рядовые работники большинства, могли ожидать только того, что съ нами станутъ церемониться еще меньше. Нечего сказать, веселое это занятіе, живя, напр., въ Россіи, гдѣ на cadaго работника ложится такая по-

¹⁾ Было напечатано въ № 70 „Искры“. Перепечатывается вмѣстѣ съ отвѣтомъ редакціи. *Рядовой.*

давяющая масса работы, писать и отсылать со всякими трудностями статьи, которымъ почти нѣтъ шансовъ послужить для чего-либо иного, кромѣ развлеченія редакціи. Нужна совсѣмъ особая психологія, чтобы найти достаточное поощреніе къ работѣ въ той мысли, что „а можетъ быть — ха-ха — и помилуютъ!“

Если редакція хотѣла дать намъ высказываться, то она *вдвойнѣ обязана была* открыто заявить это, потому что 4 изъ 5 ея членовъ не находили возможнымъ работать въ газетѣ вмѣстѣ съ нами тогда, когда „Искра“ находилась въ рукахъ избранной съѣздомъ редакціи. Поэтому „легкомысленнымъ“ приходится считать вовсе не „обвиненіе“, выраженное Тверскимъ Комитетомъ, а тотъ приемъ, посредствомъ котораго редакція старается свалить съ больной головы на здоровую отвѣтственность за свою — въ лучшемъ случаѣ — небрежность¹⁾.

Такъ или иначе, теперь обѣщаніе дано, дѣло улажено, и я пользуюсь этимъ, чтобы высказаться по поводу двухъ самыхъ крупныхъ за послѣднее время актовъ полемики со стороны нашихъ противниковъ — по поводу фельетона Плеханова въ 65 № „Искры“ и письма Каутскаго — № 66.

Въ своемъ фельетонѣ „Централизмъ или бонапартизмъ?“ тов. Плехановъ выясняетъ сущность своихъ разногласій съ теперешнимъ большинствомъ партіи. Онъ сводитъ ее къ вопросу о *безусловномъ правѣ раскассированія отдѣльныхъ партійныхъ организацій*, правѣ, которое, по его словамъ, большинство партіи хочетъ дать Ц. К., а меньшинство — не хочетъ давать. Такъ представляется дѣло Плеханову. Къ счастью для большинства, Плехановъ сильно ошибается.

Откуда, собственно, почерпнулъ онъ свои свѣдѣнія о такой „бонапартистской“ точкѣ зрѣнія большинства?

Даже въ той резолюціи трехъ представителей большинства, которую онъ цитируетъ, говорится только о „правѣ раскассированія“, но не о *безусловномъ и безконтрольномъ правѣ*, какое изображаетъ Плехановъ. О безусловномъ правѣ тамъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ представители стоятъ вѣдь на почвѣ постановленій съѣзда, который создалъ высшую, контрольную инстанцію надъ Ц. К. — Совѣтъ партіи. А что касается *ограниченнаго* права раскассированія, то на съѣздѣ тов. Мартовъ объяснялъ, что такое право дать Ц. К. можно и не опасно, потому что Ц. К. во всякомъ случаѣ серьезно подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится на такой важный шагъ, какъ распушеніе какой-

¹⁾ Оказывается, не совсѣмъ „небрежность“: я былъ плохо освѣдомленъ объ атомъ дѣлѣ. Вотъ что напечатанно, между прочимъ, въ „докладѣ о II съѣздѣ“, изд. Одесскаго Комитета Партіи (стр. 23, прим.):

„Письмо Ленина не было напечатано; *точно также и заявленіе заграничнаго представителя Ц. К.* Не было напечатанъ *цѣлый рядъ писемъ въ редакцію и заявленій...* точно также письмо „Что случилось?“ не увидѣло свѣта „Искры“, но я то былъ напечатанъ нагмѣшливый разборъ этого письма“ и т. д. (курсивъ вездѣ мой Р.). Милая редакція, какъ же вы это забыли?

нибудь организаци. Другой товарищ указалъ на одинъ дѣйствительный случай, гдѣ необходимо было самое быстрое „расскассированіе“: въ организаци былъ провокаторъ, а она не хотѣла распускаться.

Плехановъ указываетъ, что на съѣздѣ Лиги онъ самъ, вѣдѣсть съ Ц. К., защищалъ „нѣкоторыя требованія“ бонапартистскаго характера, конечно, цо недоразумѣнію. Допустимъ, что это такъ. Но вѣдѣ по вопросу о Лигѣ Ц. К. *уступилъ*, отказался отъ своихъ требованій; гдѣ же тутъ основанія обвинять его *теперь* въ „бонапартизмъ“? Тогда надо обвинять и Плеханова.

Плехановъ говоритъ, что Ц. К. „не разъ выражалъ увѣренность, что ему принадлежитъ неограниченное право расскассировывать членовъ“. Гдѣ и когда это заявлялось? И какимъ образомъ Совѣтъ партіи допустилъ такую узурпацію своего права — быть высшимъ истолкователемъ устава между съѣздами? Я, сторонникъ большинства, знающій очень многихъ его членовъ, отъ самыхъ видныхъ дѣятелей до рядовыхъ работниковъ, никогда не слышалъ ни о чемъ подобномъ; а тов. Плехановъ никакихъ фактовъ не указываетъ.

Но, можетъ быть, Плехановъ основывается не на заявленіяхъ, а на *дѣйствіяхъ*? Можетъ быть, практически дѣлались бонапартистскія попытки замѣнить по произволу составъ тѣхъ или иныхъ организаци, вводи въ нихъ, противъ ихъ желанія, однихъ членовъ, удаляя другихъ?

Такихъ попытокъ никто изъ нашихъ противниковъ не указываетъ и указать не можетъ, *потому что ихъ не было*. Впрочемъ, виноватъ, я ошибся. Одна такая попытка, дѣйствительно, имѣла мѣсто, и возобновляется до сихъ поръ. Въ одинъ изъ комитетовъ, дѣйствительно, хотѣтъ ввести новыхъ лицъ противъ его желанія, и требуютъ, чтобы онъ отказался отъ одного изъ своихъ видныхъ членовъ. Да, но этотъ комитетъ, который стараются такимъ образомъ „расскассировать“, есть *Центральный Комитетъ*.

Одна организаци была, пожалуй, и въ дѣйствительности „расскассирована“, и настолько, что кореннымъ образомъ измѣнила свое направленіе. Но и ее „расскассировалъ“ не Ц. К., а какой то другой, „Центральный Журавль“ (выраженіе Плеханова). Эта расскассированная организаци была — *редакція „Искры“*.

Итакъ, никакого „бонапартизма“ нѣтъ, а если онъ и есть, то не тамъ, гдѣ ищетъ его Плехановъ. Дѣло сводится къ недоразумѣнію. Разъ оно выяснено, что же раздѣляетъ насъ съ тов. Плехановымъ?

Отвѣта надо, повидимому, искать въ открытомъ письмѣ Плеханова къ Ц. К. (№ 66 „Искра“).

Въ этомъ письмѣ тов. Плехановъ допускаетъ, что онъ, можетъ быть, и ошибся на счетъ бонапартизма, но винить въ этой ошибкѣ „молчаніе“ Ц. К. Ну, и прекрасно, пусть такъ, Ц. К. виноватъ, что своей преступной небрежностью допустилъ развиться у тов. Плеханова устрашающимъ галлюцинаціямъ бонапартизма. Выразимъ за это порицаніе Ц. К. и — перейдемъ къ очереднымъ дѣламъ.

Но тутъ происходитъ что-то загадочное. „Бонапартизмъ“ вдругъ превращается въ „политику Ленина“ и „брошюру Ленина“. Плехановъ требуетъ, чтобы Ц. К. торжественно отрекся отъ той и другой, тогда онъ, Плехановъ, признаетъ свою ошибку на счетъ „бонапартизма“. Но, позвольте, товарищъ, гдѣ же бонапартизмъ въ политикѣ Ленина? Рассказировалъ онъ кого-нибудь? Увы! скорѣе онъ самъ былъ „рассказированъ“ изъ редакціи. Гдѣ бонапартизмъ въ его брошюрѣ? Отстаиваетъ онъ тамъ „неограниченное право рассказировація“?

„На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые“, тов. Плехановъ.

Остается вопросъ о „кооптаціи“.

Но тутъ Плехановъ, конечно, согласится, что во-первыхъ, вопросъ этотъ не принципиальный — это вопросъ о мѣрѣ уступокъ нашимъ общимъ противникамъ; во-вторыхъ, что теперь кооптація уже невозможна, именно съ точки зрѣнія „цѣлесообразности“. Вы только представьте себѣ, тов. Плехановъ, что въ „робеспьеровскій“ комитетъ, состоящій всего изъ нѣсколькихъ человекъ, вводятся два пылающихъ гнѣвомъ и местью термидоріанца. Хороша будетъ „работоспособность“ комитета¹⁾.

Что же еще? Ваше раздраженіе противъ Ленина, такъ ясно выступающее въ Вашемъ письмѣ, и противъ трехъ представителей, которыхъ Вы награждаете лично оскорбительными эпитетами? Но „представителей“ Вы не поняли, обвиненій противъ Ленина не доказали; съ личными настроеніями всѣ мы — люди „партиной дисциплины“, и Вы въ томъ числѣ — сумѣемъ быстро справиться. Принципиальные вопросы выяснены — въ нихъ разногласій нѣтъ. Что же насъ раздѣляетъ?

Перехожу къ письму Каутскаго.

Въ противоположность Плеханову, Каутскій высказывается прямо въ пользу *автономистскихъ* стремленій меньшинства. Онъ доказываетъ правильность этихъ стремленій тѣмъ, что при нашихъ условіяхъ борьбы, когда она ведется нелегально и въ значительной мѣрѣ тайно, широкая формальная централизація только стѣсняла бы дѣятельность мѣстныхъ организацій и увеличивала бы опасность проваловъ. Онъ ссылается на опытъ Германіи въ эпоху исключительныхъ законовъ, когда каждой отдѣльной организаціи пришлось предоставить очень широкую автоноمیю. Это сравненіе прекрасно выясняетъ мысль Каутскаго, и то недоразумѣніе, въ которое онъ впалъ въ данномъ случаѣ.

До исключительнаго закона въ Германіи существовала широкая, хотя молодая, но уже высоко централистическая организація (*сравнительно* высоко, разумѣется). При исключительномъ законѣ оказалось невозможнымъ въ прежнемъ объемѣ выполнять централистическія функціи общепартиныхъ учреждений:

¹⁾ „Робеспьера“ я заимствовалъ изъ обычныхъ метафоръ меньшинства, а „термидоріанцы“, я надѣюсь, не хуже „бонапартистовъ“.

пришлось сдѣлать шагъ къ автономіи, при чемъ одѣлко централизаціи, по словамъ Каутскаго, оставалось достаточно, чтобы эту автономію нельзя было „смѣшивать съ федерализмомъ и безсліемъ руководящаго центра“.

Такъ было въ Германіи. А какъ обстоитъ дѣло у насъ, въ Россіи? Никакой централизаціи до съѣзда у насъ не было; не было ничего, кромѣ самой широкой, безпредѣльной „автономіи“. Съѣзду предстояло *впервые создать* централистическія функціи. Собравшіеся на съѣздъ представители хорошо знали наши русскія условія, и понимали, что какими бы широкими „формальными“ полномочіями ни надѣляли наши центральныя учрежденія, *фактическая автономія* всегакъ останется очень обширной, ужъ конечно гораздо шире, чѣмъ въ организаціяхъ нѣмецкой социаль-демократіи подлѣ исключительнымъ закономъ.

При такихъ условіяхъ все сравненіе Каутскаго оказывается сплошной ошибкой. То, что онъ защищаетъ подлѣ именемъ „широкой автономіи, которую однако не слѣдуетъ смѣшивать съ федерализмомъ и безсліемъ центровъ“, и то, чего добиваются наши дезорганизаторы, вещи совершенно различныя, совершенно непохожія одна на другую. По существу, Каутскій стоитъ *на нашей почкѣ зрѣнія*. Нашъ уставъ *даетъ* нашимъ мѣстнымъ организаціямъ „широкую автономію“, а сама жизнь, на почвѣ которой мы стоимъ, *подразумываетъ* еще болѣе широкую автономію. Но мы не хотимъ „безслія центровъ“. Между тѣмъ, его-то и добиваются наши противники. Если бы осуществилась ихъ насильственная коопатація, то вмѣсто Ц. К. мы имѣли бы просто хроническій скандалъ¹⁾.

Какъ добросовѣстный ученый, Каутскій заравѣ сдѣлалъ оговорку о томъ, что можетъ ошибиться вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Онъ былъ правъ.

Другой пунктъ общаго характера въ письмѣ Каутскаго, это вопросъ о мартовской или ленинской формулировкѣ перваго § устава. И здѣсь Каутскаго ввело въ заблужденіе незнакомство съ конкретными условіями развитія нашей партіи. Если бы онъ зналъ, какой громадный вредъ принесли ей различныя чуждые ей элементы, которые долго къ ней примазывались, разные „легальные марксисты“, особенно изъ литераторовъ, то онъ врядъ ли сталъ бы замѣщать ту формулировку, которая предупредительно надѣляетъ всю эту публику правами членовъ партіи. Остановившись на этомъ я не стану мнѣ пришлось бы только повторить всю, поистинѣ блестящую, аргументацію Плеханова на съѣздѣ. Къ тому же, не изъ-за перваго пункта ведется теперь борьба: это тотъ пунктъ, на которомъ мы потерпѣли поражение, и, по своейственной намъ „неуступчивости“, подчинились — до слѣдующаго съѣзда.

Каутскій говоритъ о громадномъ организаціонномъ значеніи

¹⁾ Между прочимъ, дальнѣйшее пополненіе Ц. К., которое по уставу должно совершаться по *единогласному* рѣшенію, было бы затруднено до послѣдней степени: какое ужъ тамъ было бы „единогласіе“.

довѣрія къ вождямъ. Да, въ этомъ мы съ нимъ вполне согласны, и именно потому хотѣли имѣть *свободно выбранныхъ нами вождей.*

Каутскій выражаетъ недоумѣніе, зачѣмъ понадобилось Ленину удалить трехъ изъ редакторовъ „Искры“ съ ихъ постовъ. *Не Ленину,* тов. Каутскій, а большинству съѣзда, съ *Плехановымъ* и *Ленинымъ* во главѣ; и не „удалить“, а „выбрать“, потому что редакція органа *партии* должна была организоваться заново. Почему же не выбрать? Да хотя бы потому, что *фактическими* редакторами „Искры“, редакторами въ полномъ смыслѣ слова были только Плехановъ, Ленинъ и Мартовъ; мы всѣ признаемъ громадныя заслуги остальныхъ трехъ редакторовъ, но редакторскія права — не орденъ за заслуги, а средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Да, наконецъ, развѣ съѣздъ не имѣлъ права и основанія выбирать тѣхъ, кого желалъ? Если нѣтъ, то зачѣмъ комедія съ выборами, зачѣмъ пунктъ въ уставѣ о выборности редакціи? Надо было тогда просто ввести въ уставъ положеніе о *пожизненномъ* (можетъ быть, даже *наслѣдственномъ*?) редакторствѣ такого-то кружка, и только.

Каутскій говоритъ, что въ интересахъ партіи надо столкнуться передъ съѣздомъ, чтобы меньшинство *во всякомъ случаѣ* подчинялось большинству, хотя бы даже большинству только одного голоса. Святая истина! и очень горькая для нашего меньшинства! Каутскій, повидимому, не знаетъ, что передъ вторымъ съѣздомъ *объ этомъ* *столковались*, и всѣ приняли на себя такое обязательство; а немедленно послѣ съѣзда литераторы меньшинства объявили бойкотъ избранной съѣздомъ редакціи, комитеты же меньшинства — избранному съѣздомъ Ц. К. Да, вполне правъ Каутскій — но онъ не знаетъ, что „автономія“ меньшинства доходила до нарушенія прямыхъ обязательствъ.

Каутскій выясняетъ, что въ интересахъ общаго дѣла необходима взаимная уступчивость. Святая истина! Но только, не зная исторіи дѣла, Каутскій попалъ въ положеніе того священника, который проповѣдуетъ умеренность бѣднымъ, а кушаетъ вмѣстѣ съ богатыми. Большинство много уступало; оно уступило въ вопросѣ о Лигѣ, оно уступило въ вопросѣ о редакціи; *а въ чемъ уступило меньшинство?* Оно ни въ чемъ не уступило — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ.

Правда, уступать безъ конца и мы не можемъ: вѣдь уступчивость и для насъ не принципъ, а только средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Каутскій говоритъ, что если произойдетъ расколъ въ партіи, то виноватъ будетъ одинъ Ленинъ. Жаль, что знаменитый ученый измѣнилъ здѣсь своей научной сдержанности и осторожности, не допускающей рѣшительныхъ выводовъ тамъ, гдѣ у человѣка недостаточно данныхъ. Вѣдь Каутскій, оказывается, не зналъ даже того, кто — нападающая сторона въ нынѣшнемъ конфликтѣ.

Каутскій говоритъ: „я готовъ измѣнить свои выводы, если

мнѣ докажутъ, что мои предпосылки невѣрны⁴. Да, товарищъ, ваши предпосылки невѣрны, но, конечно, вина въ этомъ не ваша.

Боюсь я, что не на радость меньшинству напечатала редакція письмо Каутскаго!

Еще нѣсколько словъ по поводу отвѣта редакціи на резолюцію Тверскаго Комитета. Редакція совѣтуетъ тверскимъ товарищамъ „подумать надъ тѣмъ, почему точка зрѣнія большинства не порождаетъ другихъ литературныхъ проявленій, кромѣ „сокрушительныхъ резолюцій“ и т. д. Въ началѣ своей статьи я показалъ, почему редакція *не имѣетъ права* говорить этого. Но остается тотъ несомнѣнный фактъ, что *по количеству* литературныхъ произведеній намъ трудно конкурировать съ меньшинствомъ: большинство литераторовъ на его сторонѣ. Что это значить?

Редакція, вѣроятно, скажетъ, что это свидѣтельствуетъ, вообще, о большей сознательности меньшинства. Но какъ примирить съ этимъ объясненіемъ тотъ фактъ, что на сторонѣ *нашихъ принциповъ* оказались два самые крупные ума и таланта нашей партіи — *Ильхановъ* и *Ленинъ*?

Гораздо вѣроятнѣе, поэтому, другое объясненіе: къ меньшинству естественнымъ образомъ тянутся „интеллигентскіе“ элементы нашей партіи, потому что меньшинство защищаетъ индивидуалистическія и анархическія тенденціи въ организаціонной жизни, тѣ самыя тенденціи, которыя такъ дороги сердцу интеллигента).

Закончу маленькимъ практическимъ предложеніемъ, котораго не стану подробно мотивировать, потому что смыслъ его и такъ будетъ ясенъ.

Въ партійномъ органѣ намъ хотѣлось бы имѣть органъ *дѣйствительнаго единства партіи*; а потому всю текущую полемику, особенно въ виду ея остраго характера, лучше было бы совсѣмъ удалить со страницъ „Искры“ и печатать, напр., въ особыхъ приложенияхъ къ ней. Въ виду чисто домашняго характера собственно организаціонныхъ вопросовъ, можно было бы, пожалуй, даже ограничить распространеніе этихъ приложений одними членами партіи; но за это я, конечно, особенно стоять не буду. Такое выдѣленіе полемики улучшило бы отношеніе къ „Искрѣ“ со стороны дѣйствительнаго большинства партіи, большинства ея рядовыхъ работниковъ, особенно рабочихъ; легче было бы подводить итоги полемики, и она была бы исчерпана скорѣе, чего всѣ мы такъ страстно желаемъ.

Рядовой.

* * *

Отъ редакціи. Товарищу, скромно назвавшему себя „Рядовымъ“, мы отвѣтимъ въ краткихъ словахъ:

1) Начальныя разсужденія о томъ, что ред. „Искры“ не пригласила до № 66 сторонниковъ „большинства“ высказаться, не вы-

⁴) Характерно, что даже терминъ *партійная дисциплина* тов. Мартовъ употребляетъ теперь, по большей части, въ сопровожденіи „знака ироническаго“, въ видѣ кавычекъ.

держиваютъ самой легкой критики. Еслибъ т. Рядовой *понималъ*, какъ должно „меньшинство“ (и, вообще, социальдемократія) смотрѣть на задачи партійнаго органа, онъ догадался бы, что и безъ особаго приглашенія литераторы „большинства“ могутъ надѣяться на помѣщеніе въ Ц. О. *дѣйствительно-литературныхъ* произведеній. А помѣщеніе полемическаго письма т. Александрова въ № 57 „Искры“ должно было разсѣять и послѣднія сомнѣнія. Если, кромѣ тов. Ленина, ни къ кому изъ „большинства“ редакція не обращалась съ спеціальнымъ предложеніемъ о *постоянномъ* сотрудничествѣ, то лишь потому, что литературно-заявившихъ себя товарищей мы не встрѣчали среди „большинства“. Ссылку тов. Рядового на брошюру Одесскаго Ком. мы отвергаемъ, въ виду мутнаго характера этого источника: изданная Од. Комитетомъ брошюра, „Докладъ о II съѣздѣ“, представляетъ собой нѣчто небывалое въ нашей революціонной литературѣ по *недобросовѣстности* тѣхъ обвиненій и недостоверности тѣхъ *сплетень*, хоторы въ *нелегальной* типографіи печатались одесскими товарищами, не вѣдавшими, что они творять. Тов. Рядовой проявилъ поразительное отсутствіе моральной чуткости, когда счелъ возможнымъ сослаться на *такое* произведеніе печати.

2) Заявленіе тов. Рядового, будто бы въ нашей Партіи не было попытокъ давленія на мѣстные комитеты, въ видахъ „намѣненія по произволу состава тѣхъ или иныхъ организацій“, можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ этого товарища съ положеніемъ дѣлъ въ Партіи. Мы же знаемъ соответствующіе случаи въ Харьковѣ, Баку и Николаевѣ и знаемъ, что тов. Ленинъ, и многіе съ нимъ, и *послѣ* эксперимента съ Лигой отстаиваютъ безапелляціонное право Ц. К. вводить въ мѣстные комитеты своихъ членовъ, безъ согласія комитетовъ.

3) Смѣлость, съ которой тов. Рядовой рассказываетъ о томъ, кто въ старой „Искрѣ“ былъ фактическимъ редакторомъ, заставляетъ насъ напомнить тов. Рядовому, что, мысленно обобравъ ряды многочисленныхъ товарищей, вмѣстѣ съ нами работавшихъ въ организаціи „Искры“, мы не находимъ въ этихъ рядахъ даннаго товарища, а потому должны допустить, что свои свѣдѣнія о роли того или другого редактора „Искры“ онъ почерпнулъ изъ самаго ненадежнаго источника — кумушкиныхъ сплетень. Пользованіе такимъ источникомъ едва ли должно считаться необходимымъ признакомъ „твердаго искровства“. Л. М.

* * *

Отвѣчаю съ своей стороны также по пунктамъ:

Къ пун. 1-му.

Я всегда преклонялся передъ моральной чуткостью тов. Л. М. но теперь преклоняюсь вдвойнѣ, видя насколько она при случаѣ практически выгодна: при помощи нея товарищу Л. М. удается завѣдомо для него вѣрные факты сдѣлать какъ-бы несуществующими. Изъ брошюры Одес. Ком. я привелъ указаніе на тотъ фактъ, что редакція отказалась напечатать заявленіе

заграничнаго представителя Ц. К., — фактъ засвидѣтельствованъ въ самомъ этомъ заявленіи; далѣе, на тотъ фактъ, что вмѣсто письма „Что случилось?“ она напечатала его полемической разборъ, — что это такъ, можно удостовѣриться изъ самой „Искры“; наконецъ, на тотъ фактъ, что она отказалась напечатать дѣльный рядъ писемъ и заявленій сторонниковъ большинства, — и это затѣмъ было подтверждено мнѣ авторами этихъ писемъ и заявленій. Всѣ эти факты тов. Л. М. уничтожаетъ указаніемъ на то, что только лишенный моральной чуткости человекъ можетъ ссылаться на факты, оскверненные упоминаніемъ ихъ въ преступной брошюрѣ Одеск. Ком.

Еще разъ преклоняюсь передъ моральной чуткостью т. Л. М., столь возвышенной и столь выгодной, и почтительнѣйше прошу его сообщить во всеобщее свѣдѣніе индексъ тѣхъ запрещенныхъ партійныхъ изданій, пользованіе коими ввергаетъ въ бездну грѣховнаго отсутствія „моральной чуткости“.

Къ пункту 3 му.

Говоря о фактическомъ распредѣленіи работы въ редакціи старой „Искры“, я основывался на точныхъ данныхъ, опубликованныхъ въ партійномъ изданіи (брошюра т. Павловича о съѣздѣ, стр. 16-17, гдѣ это распредѣленіе иллюстрировано цифрами). Всякій изъ насъ высказался бы противъ опубликованія такихъ данныхъ, если бы наши противники не вынуждали къ нему своими протестами противъ голосованій съѣзда, своими заявленіями о немотивированности принятыхъ съѣздомъ рѣшеній относительно редакціи, своими требованіями указать достаточные мотивы этихъ рѣшеній. Теперь „моральная чуткость“ тов. Л. М. превращаетъ эти данныя „въ кумушкины слетви“. Невольно вспоминается чудная сказка Щедрина о добродѣтеляхъ и порокахъ. Примѣнительно къ данному случаю, ее пришлось бы дополнить такъ:

Жило когда „Отрицаніе завѣдомо-вѣрныхъ-фактовъ“, и считалось оно сквернымъ порокомъ; но вдругъ ему очень захотѣлось попасть въ компанію добродѣтелей. На выручку явилась испытанная сводница — Лицемеріе: принарядила его въ литературныя фразы, подкрасила румянами благороднаго негодованія: и сталъ порокъ добродѣтелью — „Моральная чуткость“.

Къ пункту 2-му.

Имѣя по данному вопросу прямыя сообщенія лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу; видя, что тов. Плехановъ, членъ той же редакціи Ц. О. во время напечатанія своего письма къ Ц. К. въ № 66, былъ также „неосвѣдомленъ“, какъ я (онъ допускаетъ возможность ошибки со своей стороны по вопросу о бонапартизмѣ), и принимая во вниманіе, что тов. Мартовъ, столь тщательно разыскивающій преступления большинства, давно распубликовалъ бы всѣ факты „бонапартизма“, если бы они имѣлись, — я *отвергаю* новыя свѣдѣнія товарища Л. М. Кто возводитъ обвиненія, тотъ долженъ *доказать* ихъ. Гдѣ доказательства тов. Л. М? Гдѣ резолюція Совѣта Партии, констатирующая тѣ „факты“, о которыхъ говоритъ тов. Л. М? Вѣдь только Со-

вѣтъ. Партия законно могъ бы ихъ констатировать; и онъ не сдѣлалъ этого, потому что ихъ не было.

Къ этому присоединяется такое соображеніе. Какъ мы видѣли, „моральная чуткость“ тов. Л. М. имѣетъ свойство — существующее дѣлать какъ бы не существующимъ, и объективныя данныя превращать въ кумушкины сплетни. Не имѣетъ ли она и обратнаго свойства: не существующее дѣлать какъ-бы существующимъ, и кумушкины сплетни превращать въ объективныя данныя? Разницы большой нѣтъ.

Рядовой.

**Къ свѣдѣнію товарищей,
которые пожелали бы сотрудничать
въ „Искрѣ“.**

Когда редакція „Искры“ заявила (въ № 67, въ отвѣтъ на резолюцію Тверск. Ком.), что она готова была печатать статьи сторонниковъ партійнаго большинства, но не могла этого дѣлать, потому что не получала такихъ статей (за исключеніемъ одной, которую и напечатала), то я почти немедленно (числа около 15 іюня) отправилъ въ „Искру“ черезъ товарищей свою статью „Наконецъ-то“, за подписью „Рядовой“.

25 іюня редакція отвѣтила слѣдующимъ письмомъ:

„Ув. тов., статья Ваша „Наконецъ-то“ можетъ быть напечатана въ „Искрѣ“ въ томъ случаѣ, если редакціи будетъ извѣстна личность ея автора. Дѣло въ томъ, что по организаціоннымъ вопросамъ въ Ц. О. могутъ помѣщаться только статьи членовъ партіи. За ред. по поруч. товарищей Л. Мартовъ“.

По моей просьбѣ и по порученію члена Ц. К. Ленина, который лично меня знаетъ, агенты Ц. К., работающіе въ партійной экспедиціи, засвидѣтельствовали редакціи Ц. О. фактъ моей принадлежности къ партіи.

7 іюля редакція отвѣтила слѣд. письмомъ:

„Женева, 7/7 1904 г.

Ув. тов., повидимому, въ видѣ отвѣта на запросъ о Вашей личности, мы получили отъ одного товарища, — тов. Лядова — письмо, въ которомъ послѣдній, ссылаясь на данное ему членомъ Ц. К., тов. Ленинымъ, порученіе, удостовѣряетъ Вашу принадлежность къ партіи и отказывается сообщить

намъ, кто Вы, пока не имѣеть отъ Васъ на то разрѣшенія.

Принимая во вниманіе, что 1) редакція Ц. О., во избѣжаніе мистификаціи, обязана имѣть гарантію въ томъ, что присылаемыя ей статьи по вопросамъ партійной розни исходятъ отъ дѣйствительныхъ членовъ партіи, 2) что единоличное заявленіе тов. Ленина не имѣеть для редакціи достаточнаго значенія; такъ какъ согласно сообщенному ей рѣшенію Ц. К., *официальный* характеръ посятъ лишь заявленія, подписанныя, кромѣ тов. Ленина, еще и другимъ, находящимся за границей членомъ Ц. К., подпись котораго въ данномъ случаѣ отсутствуетъ, — редакція покорнѣйше проситъ Васъ сообщить ей, съ кѣмъ она имѣеть дѣло.

По порученію редакціи (*подпись не разобрана*)“

Случайнымъ образомъ письмо это дошло до меня очень не скоро, и я еще не получивши его послалъ 17 іюля въ редакцію другую статью, уже не черезъ товарищевъ, а прямо отъ себя. Въ препроводительномъ письмѣ я на всякій случай давалъ подробныя справки о своей „личности“, и между прочимъ писалъ:

„Вниманію тов. Мартова предлагаю слѣдующій силогизмъ, который можетъ быть, сдѣлаетъ издѣланными всѣ дальнѣйшія (и предыдущія) справки:

1. Согласно § 1 устава (Мартовскій §), кто работаетъ подъ руководствомъ одной изъ партійныхъ организаций, тотъ — членъ партіи:

2. Редакція „Искры“ — партійная организація, а всякій, кто пишетъ статью для „Искры“ — работаетъ „подъ руководствомъ“ редакціи (какое руководство выражается въ принятіи или забракованіи статьи, а также ея исправленіи или дополненіи соответствующими комментаріями¹⁾).

В. Ерго — „личность“ написавшая для „Искры“ статью „Наконецъ-то“ есть членъ партіи...“

¹⁾ Работать можно плохо или хорошо — это здѣсь не важно, ибо въ уставѣ объ этомъ не говорится.

Послѣ этого въ 69 № „Искры“, въ „Почтовомъ Ящикѣ“ появилось сообщеніе:

„*Рядовому*. Статья „Наконецъ-то“ пойдетъ въ № 70“.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что предъявленіе паспорта, прописаннаго не менѣе чѣмъ двумя членами Ц. К., обязательно не во всѣхъ случаяхъ: иногда редакціи достаточно „пролетарскаго слова“ отъ „совершенно ей неизвѣстнаго товарища“; но это, повидимому, только тогда, когда статья направлена къ скомпрометтированію партійнаго большинства (см. примѣч. редакціи къ корреспонденціи изъ Одессы въ № 64).

Полагаю, что комментаріи излишни.

Я считаю себя *въ правѣ* опубликовать эту переписку, за исключеніемъ того, что въ ней есть личнаго и конспиративнаго, я считаю себя *обязаннымъ* сдѣлать это для тѣхъ товарищей, особенно живущихъ въ Россіи, которые, положившись на заявленіе редакціи и не имѣя понятія объ ея паспортной системѣ, даромъ потеряли бы трудъ и время.

Рядовой.

Роза Люксембургъ противъ Карла Маркса.

Мы, русскіе соціалъдемократы, ученики Маркса, но — младшіе ученики. Нѣмецкіе соціалъдемократы — его старшіе ученики; они стояли ближе насъ къ этому великому источнику геніальныхъ идей, раньше насъ и, разумѣется, лучше насъ имъ овладѣли. Поэтому мы внимательно и даже съ нѣкоторою почтительностью прислушиваемся ко всему, что говорятъ наши нѣмецкіе товарищи по вопросамъ соціалистическаго движенія и его теоріи.

Почтительность, однако, не исключаетъ и нѣкоторой критики. Когда уважаемая фирма Бернштейнъ и К^о стала спекулировать на пониженіе старыхъ акцій марксизма, мы — большинство изъ насъ, по крайней мѣрѣ, — не оказали ей кредита и твердо держали акціи въ рукахъ. Когда уважаемый тов. Роза Люксембургъ въ борьбѣ съ понижающей тенденціей начала зарываться и въ стремленіи до безконечности поднять курсъ „конечной цѣли“ пыталась свести къ нулю цѣнность „движенія“, мы и ей не повѣрили, и даже нашли, что она въ увлеченіи играетъ на-руку Бернштейну, создавая нѣкоторую почву для его толковъ объ „утопизмѣ“. Мы держались позиціи Каутскаго, Либкнехта и др., но отнюдь не изъ слѣпонаго довѣрія къ нимъ, а потому что находили, что они правы.

Нѣмецкая соціалъдемократія всегда относилась, со своей стороны, съ большимъ участіемъ и интересомъ къ нашей практической и идейной жизни, и это всегда было для насъ серьезной нравственной поддержкой. Мы особенно цѣнимъ проявленія этого участія и этого интереса теперь, во время тяжелаго кризиса, переживаемаго нашей партіей;

но, принимая ихъ съ глубокой благодарностью, мы позволяемъ себѣ сохранять по отношенію къ нимъ все ту же почтительно-критическую позицію.

Симпатичное письмо Каутскаго, помѣщенное въ № 67 „Искры“, я и многіе мои товарищи, члены партійнаго большинства разсматривали съ этой же точки зрѣнія: мы нашли совершенно правильными его указанія на необходимость *взаимной* уступчивости (а не только уступокъ большинства меньшинству), на необходимость для всякаго возможнаго меньшинства *исполнять* обязательства, налагаемыя на него партійнымъ съѣздомъ, въ которомъ само оно законно участвовало; но намъ показали результатомъ недостаточной освѣдомленности въ нашихъ дѣлахъ нѣкоторые другіе его совѣты, особенно — совѣтъ расширить автономію за счетъ чрезмѣрной централизаціи, между тѣмъ какъ фактически у насъ автономія далеко преобладаетъ надъ централизаціей, а централизація находится только въ процессѣ зарожденія.

Гораздо больше матеріала для критическаго отношенія даетъ статья Розы Люксембургъ, помѣщенная въ № 69 „Искры“ и одновременно — въ „Neue Zeit“.

Статья эта уже гораздо менѣе „примирительная“, гораздо болѣе полемическая и направлена противъ брошюры тов. Ленина „Шагъ впередъ, два шага назадъ“. Въ этой полемикѣ, на мой взглядъ, ошибочно очень многое, если не все: но было бы просто смѣшно, если бы я позволилъ себѣ отвѣчать Розѣ Люксембургъ за тов. Ленина, который, вопреки ложнымъ свидѣніямъ т. Мартова, еще живъ и сумѣетъ отвѣтить за себя, конечно, несравненно лучше, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать. Но я имѣю право отвѣтить за умершаго товарища, хотя бы этотъ товарищъ былъ не кто иной какъ Карлъ Марксъ.

Одна изъ основныхъ идей Маркса заключается въ томъ, что склонность и способность того или другаго общественнаго класса къ организаціи и дисциплинѣ зависятъ прежде всего отъ условій

его производственной жизни. Особенно подчеркивает онъ эту точку зрѣнія по отношенію къ рабочему классу. Въ главѣ о первоначальномъ накопленіи онъ говоритъ о томъ, какъ на почвѣ концентрации капиталовъ „развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочего процесса“, и какъ, благодаря этому, рабочий классъ „постоянно обучается, объединяется и организуется самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства“. Въ Манифестѣ Коммун. Партіи (въ концѣ первой главы) Марксъ выражаетъ ту же мысль, говоря: „Прогрессъ промышленности, носителемъ котораго не можетъ не быть буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкуренціи революціонное объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи“.

Эта идея о воспитаніи пролетаріата въ духѣ организациіи и дисциплины самой его производственной дѣятельностью была прекрасно усвоена нашими старшими товарищами, нѣмецкими социаль-демократами. Въ „Эрфуртской программѣ“, въ главѣ „Подъемъ рабочего пролетаріата“ говорится:

„Сама обстановка работы при капиталистическомъ производствѣ указываетъ пролетаріямъ на необходимость согласованныхъ дѣйствій, подчиненія единицы цѣлому. Между тѣмъ какъ въ ремеслѣ, въ его классической формѣ, каждая единица сама по себѣ составляетъ цѣлое, капиталистическая промышленность основана на работѣ совмѣстной, на кооперациіи. Единичный рабочий тутъ ничто: безъ своихъ товарищей. Зато планомѣрная совмѣстная работа удваиваетъ и утраиваетъ производительность труда каждой единицы. Такимъ образомъ, сама работа приводитъ къ сознанию менши соединенія, развиваетъ въ рабочихъ добровольную дисциплину, которая является предварительнымъ условіемъ какъ всякой успѣшной борьбы противъ эксплуатации, при капиталистическомъ производствѣ, такъ и самого товарищескаго, социалистическаго производства“.

Что же говорить теперь Роза Люксембургъ?

А вотъ что (начинаю цитату не совсѣмъ съ начала, чтобы она не была безконечной):

„Тѣмъ поразительнѣе кажется обратное убѣжденіе Ленина, будто всѣ предварительныя условія для созданія большой и крайне централизованной рабочей партіи имѣются въ Россіи уже на лицо. И если онъ оптимистически восклицаетъ, что теперь уже „не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи не достаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины“ (стр. 145), и прославляетъ воспитательное значеніе фабрики для пролетаріата, которая уже сама по себѣ подготавливаетъ его къ „дисциплинѣ и организаціи“ (стр. 147), то это лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его слишкомъ механическомъ представленіи о социальдемократической организаціи“.

Что же, собственно, „механически представилъ“ Ленинъ? Чтобы не было неясности, цитирую и его „прославленіе“ фабрики:

„Именно фабрика, которая кажется иному однимъ только пугаломъ, и представляетъ изъ себя ту высшую форму капиталистической кооперации, которая объединила, дисциплинировала пролетаріатъ, научила его организаціи, поставила его во главѣ всѣхъ остальныхъ слоевъ трудящагося и эксплуатируемаго населенія. Именно марксизмъ, какъ идеологія обученнаго капитализмомъ пролетаріата, училъ и учитъ неустойчивыхъ интеллигентовъ различію между эксплуататорской стороной фабрики (дисциплина, основанная на страхѣ голодной смерти) и ея организующей стороной (дисциплина, основанная на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитого технически производства). Дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ именно благодаря этой фабричной „школѣ“.

Я вовсе не Ленина защищаю — гдѣ ужъ мнѣ! — а только почтительнѣйше ставлю старшему товарищу, нѣмецкой социальдемократкѣ, вопросъ: имѣю ли я право повторять мысль Маркса о вос-

питательномъ значеніи фабрики; и Роза Люксембургъ сурово отвѣчаетъ: нѣтъ! слишкомъ механическое представленіе!

Но ей этого мало.

„Дисциплина“, которую Ленинъ имѣетъ въ виду, — заявляетъ она, — внушается пролетариату не одной только фабрикой, но и *казармой* и современнымъ бюрократизмомъ, — словомъ, всѣмъ механизмомъ централизованнаго буржуазнаго государства“.

Итакъ, организующая сторона фабрики, „дисциплина, основанная на совмѣстномъ трудѣ, объединенномъ условіями высокоразвитого технически производства“ и противоположная другой сторонѣ фабричной дисциплины — „дисциплинѣ, основанной на страхѣ голодной смерти“, — эта дисциплина „внушается и казармой“ и „бюрократизмомъ“? Да гдѣ же въ казармѣ и канцеляріи „производство“ и его „объединяющія высокоразвитыя техническія условія“? И почему Марксъ и Эрфуртская программа, говоря объ этой же „дисциплинѣ совмѣстнаго труда“, забыли упомянуть о казармѣ, бюрократизмѣ и буржуазномъ государствѣ?

„Одновременно обозначать словомъ „дисциплина“ два столь противоположныхъ понятія, какъ отсутствіе воли и мысли въ тысяченогомъ и тысячерукомъ тѣлѣ, по указкѣ дѣлающемъ механическія движенія, и добровольное координированіе сознательныхъ политическихъ дѣйствій общественнаго слоя, такія понятія, какъ безпрекословное повиновеніе угнетеннаго класса и организованное возмущеніе класса, борющагося за свое освобожденіе, — значить просто злоупотреблять ходячимъ словечкомъ.“

Постойте, дорогой товарищъ, да вѣдь „отсутствіе воли и мысли“, это и есть „дисциплина, основанная на страхѣ голодной смерти“, а вовсе не та „дисциплина совмѣстнаго труда, объединеннаго“, и т. д., о которой говорятъ Марксъ и Эрф. прогр. и ученикъ ихъ Ленинъ? Вы, очевидно, черезчуръ испугались своей громадной тысяченожки, и въ волненіи перепутали ея двѣ противоположныя стороны...

Но Розу Люксембургъ не остановишь:

„Не исходя изъ внушаемой пролетаріату капиталистическимъ государствомъ дисциплины — съ простой передачей указки изъ рукъ буржуазіи въ руки соц.-дем. Ц. К., но только сломивъ и вырвавъ съ корнемъ этотъ духъ рабской дисциплины, можетъ рабочій классъ воспитать себя для новой дисциплины — свободной самодисциплины социальдемократіи.“

Да вѣдь рѣчь идетъ не о „рабской дисциплинѣ“, основанной на страхѣ голодной смерти или иныхъ видахъ насилія! Если же *вся* дисциплина, которая дается рабочему классу фабрикой, есть рабская и подлежитъ искорененію и замѣнѣ совсѣмъ новою, то это дѣло по силамъ развѣ только Господу Богу, а задача социалистической пролетарской организаціи есть чистѣйшая утопія, такая же, какъ социализмъ рабовъ или крѣпостныхъ.

Бѣдный Марксъ, жестокая Роза Люксембургъ.

Вѣрная своей логикѣ, жестокая воительница преслѣдуетъ марксизмъ и съ другой стороны.

Исходя изъ той же марксовской точки зрѣнія, все мы привыкли думать, что интеллигентъ по своей социальной природѣ гораздо менѣе предрасположенъ къ организаціонной дисциплинѣ, чѣмъ пролетарій. Дѣятельность интеллигента въ современномъ обществѣ протекаетъ въ индивидуалистической формѣ, онъ въ этомъ отношеніи вполне подобенъ ремесленнику, какъ этотъ послѣдній характеризуется въ вышецитированномъ мѣстѣ Эрфурт. программы, ему чужда та дисциплина кооперативной формы рабочаго процесса, о которой говоритъ Марксъ. Поэтому интеллигенту нужны особенныя усилія, чтобы преодолѣть нѣкоторую стихійную антипатію къ дисциплинѣ партіи; и эта антипатія легко прорывается въ видѣ проявленій анархической тенденціи; а тамъ, гдѣ жизнь выдвигаетъ потребность въ централизованной организаціи, анархическая тенденція, сталкиваясь съ этой потребностью, порождаетъ организаціонный оппортунизмъ. Русскій интеллигентъ еще менѣе святъ въ

этомъ отношеніи, чѣмъ западно-европейскій, потому что еще меньше имѣеть возможности получить организаціонное воспитаніе.

Весь этотъ ходъ мыслей, строго соотвѣтствующій основнымъ идеямъ историческаго матеріализма, радикально отвергается Розою Люксембургъ.

По ея мнѣнію „дезорганизаторскія тенденціи“ свойственны отнюдь не русскому, а западно-европейскому интеллигенту, и не въ силу общаго характера его профессиональной дѣятельности, а благодаря вліянію... буржуазнаго парламентаризма. Вотъ что она говоритъ:

„Парламентаризмъ не только поддерживаетъ всѣ извѣстныя иллюзіи теперешняго оппортунизма: переоцѣнку значенія реформаторской работы, сотрудничества классовъ и партій, мирнаго развитія и т. д., какъ мы это видѣли во Франціи, Италиі, Германіи. Одновременно обособляя въ социальдемократіи интеллигентовъ въ роли парламентскихъ дѣятелей отъ пролетарской массы и нѣкоторымъ образомъ возвышая ихъ надъ нею, онъ создаетъ почву, на которой эти иллюзіи могутъ практически проявляться. Наконецъ, съ ростомъ рабочаго движенія, парламентаризмъ превращаетъ его въ орудіе политической карьеры, дѣлая его такимъ образомъ прибѣжищемъ для буржуазныхъ честолюбцевъ и неудачниковъ.

„Всѣми этими моментами опредѣляется и извѣстная склонность интеллигента оппортуниста западно-европейской социальдемократіи къ дезорганизаціи и недисциплинированности“.

А у русскаго интеллигента, поясняетъ дальше Роза Люксембургъ, буржуазнаго парламентаризма еще нѣтъ, и потому не откуда взяться дезорганизаторскимъ, анархическимъ тенденціямъ.

„Напротивъ того, утопическія и оппортунистическія фантазіи русскихъ „интеллигентовъ“ социалистовъ обнаруживаютъ скорѣе склонность принимать противоположныя теоретическія формы: самоотреченія, самобичеванія. Вѣдь было же „хождение въ народъ“, т. е. обязательное преображеніе

интеллигента въ крестьянина, для старыхъ „народниковъ“ такимъ же продуктомъ безавѣтной интеллигентской рѣшимости, какъ недавній грубый культъ „мозолистаго кулака“ для послѣдователей чистаго „экономизма“.

Туть есть, прежде всего, маленькая путаница: революціонное „хождение въ народъ“ далеко не вполне совпадаетъ съ „обязательнымъ преображеніемъ интеллигента въ крестьянина“ или такъ наз. „опрощеніемъ“, которое составляетъ сущность не „стараго народничества“, а его эпитоновъ вродѣ Юзова и толстовцевъ. Но это еще не важно; важно то, что Роза Люксембургъ не знаетъ или не замѣчаетъ, что и „опрощеніе“ и культъ „мозолистаго кулака“ не имѣютъ ничего общаго съ идеями организаціонной дисциплины и „централизаціи“, а совершенно напротивъ, представляютъ особую форму индивидуалистическаго аскетизма, съ несомнѣнной анархической окраской.

Итакъ, русскій интеллигентъ чуждъ анархическихъ и дезорганизацiонскихъ тенденцій — и не потому, чтобы получить въ самомъ своемъ трудѣ воспитаніе въ духѣ организаціи и дисциплины, этого, конечно, не было, — а потому, что не получить буржуазно-парламентарнаго воспитанія.

Бѣдный марксизмъ, жестокая Роза Люксембургъ!

Я не сталъ бы заниматься защитой достаточно прочно стоящихъ идей классовой психологіи, если бы дѣло шло только о теоріи. Но на дѣлѣ анти-марксистскія идеи уважаемаго тов. Р. Л. служатъ только первой посылкой для атаки дорогаго мнѣ и моимъ товарищамъ дѣла созданія стройной и сильной организаціи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Вторая посылка Розы Люксембургъ требуетъ еще болѣе энергичнаго протеста. Дѣло идетъ уже о томъ, что такое въ действительности русская социалдемократическая партія, то ли, чѣмъ она себя называетъ, или нѣчто совсѣмъ иное. Вопросъ этотъ точнѣе приходится формулировать такъ:

правду ли говорить Россійская Соціалъдемократическая Партія, когда она называетъ себя „рабочей партией“, или это только фальсификація (вольная или невольная)?

Сущность дѣла заключается вотъ въ чемъ.

За послѣднее время въ эмигрантской русской литературѣ стала высказываться — Аксельродомъ, Мартовымъ и другими — та мысль, что наша партія еще не пролетарская, что ей только предстоитъ стать таковой. Такъ, историческую задачу нашего времени (и своей фракціи) Аксельродъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: „Что и какъ мы должны сдѣлать для того, чтобы русская социалъдемократія (прежде чѣмъ наступитъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточного въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію“ („Искра“ 68, письмо къ Каутскому). — Ясно, что Аксельродъ не считаетъ нашу партію хотя бы „отчасти“ пролетарской. — И Роза Люксембургъ, незнакомая съ нашей дѣйствительностью, повѣрила этимъ литературнымъ заявленіямъ, и совершенно искренно повторяетъ передъ нѣмецкими товарищами, что „выдѣленіе пролетарскаго авангарда, сознающаго свои классовые интересы и умѣющаго политически ориентироваться, находится (въ Россіи) лишь въ процессѣ возникновенія...“.

Выдѣленіе находится въ процессѣ возникновенія! Ясно, что по мнѣнію Р. Люкс. такого авангарда у насъ еще нѣтъ, есть только его минимальный зародышъ, историческій намекъ на него. Партія же наша оказывается тогда *интеллигентской*, и дать этой партіи строгую и стройную организацію, значить отдать рабочее движеніе, стихійное и беззащитное, въ полную власть организованной интеллигенціи, которая помѣшаетъ „возникающему выдѣленію пролетарскаго авангарда“ и закуетъ движеніе въ прочныя цѣпи.

Именно поэтому — полагаетъ Р. Люкс. — русский интеллигентъ — централистъ по преимуществу, а указаніе Ленина на анархическія тенденціи

интеллигента есть только попытка замаскировать себя¹⁾).

Если бы посылки Аксельрода и Р. Люкс. были вѣрны, то честь партіи требуетъ, чтобы изъ названія партіи было вычеркнуто, какъ вредная и явная ложь, слово „рабочая“, и чтобы русскому пролетариату было особымъ манифестомъ сообщено, какъ до сихъ поръ злоупотребляли его именемъ. Званіе „политическихъ авантюристовъ и самозванцевъ“ должно быть тогда сдѣлано официальнымъ титуломъ всѣхъ нынѣшнихъ нашихъ дѣятелей, и социалдемократическая работа должна начаться еда ли не сначала. Такъ ли это?

Къ счастью, не такъ. Вотъ уже 12-15 лѣтъ, какъ въ Россіи среди пролетаріевъ энергично и въ широкихъ размѣрахъ ведется пропагандистская и организационная работа, между тѣмъ какъ стихійное массовое движеніе доставляетъ для этой работы и богатый человѣческой матеріалъ, и живые стимулы, и возрастающее конкретное содержаніе, и могучіе непосредственные тактическіе директивы. И за все это время, цѣною всей этой борьбы, всѣхъ этихъ усилій, не создается „созна-

¹⁾ Подхватывая мысль Роз. Люкс., Мартовъ развиваетъ ее слѣдующимъ образомъ:

„Послужать его (Ленина), такъ „массовой“ интеллигентъ-революционеръ *при всякихъ условіяхъ и всегда*, сообразно своей „природѣ“, является въ политической организаціи индивидуалистомъ автономистомъ. Но какъ же быть съ „интеллигентскими“ организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ „Народной Волей“? какъ быть съ Р. Р. С.? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ“, строящимъ ультра-централистически свою чисто „интеллигентскую“ организацію“?

Что касается выходи на счетъ большинства, то здѣсь мы просто не *потримъ* голословному заявленію Мартова, *зная*, что именно въ меньшинствѣ (сконцентрированномъ въ наибольшей части за-границей), самымъ рѣшительнымъ образомъ преобладаютъ интеллигентскіе элементы; остальные примѣры *подтверждаютъ* мысль Ленина. Тамъ, гдѣ страшное давленіе жизни заставляетъ интеллигентовъ группироваться строго централистически, тамъ въ организаціи попадаютъ *единицы изъ сотенъ* угнетенной интеллигенціи, единицы способныя преодолѣть свою анархическую „природу“.

тельного пролетарскаго авангарда“, способнаго выразить свою волю въ движеніи, а не итти только на помочахъ у интеллигенціи? Кто повѣритъ этому, кромѣ человѣка, незнакомаго со всей нашей жизнью, и у кого возникнетъ такая печальная иллюзія, кромѣ человѣка, десятки лѣтъ оторваннаго отъ этой жизни и знакомаго съ нею лишь въ блѣдной передачѣ другихъ?

Шесть съ половиной лѣтъ тому назадъ наша молодая социальдемократія открыто заявила на своемъ первомъ съѣздѣ, что она считаетъ себя *рабочей партіей*. И наши мѣстные дѣятели считали себя въ правѣ заявить это, потому что для нихъ не могло возникнуть сомнѣнія въ существованіи пролетарскаго авангарда — основы рабочей партіи. И понадобилось шесть съ половиной лѣтъ стремительнаго революціоннаго развитія, чтобы въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ отъ поля борьбы сдѣлано было открытіе, что этого авангарда не существуетъ!

Нѣтъ, этого заблужденія нельзя оставить невыясненнымъ.

Наша партія уже по количественному составу — партія пролетарская. Ея основу составляютъ не два десятка комитетовъ по нѣскольку человѣкъ каждый, а многочисленныя рабочія группы и организаціи, стоящія за этими комитетами. По имѣющимся даннымъ, каждая изъ 27 организацій 2-го съѣзда имѣла за собой сотни, а нѣкоторыя — тысячи организованныхъ рабочихъ. Фактически на каждого социальдемократа интеллигента приходится *десятки* организованныхъ рабочихъ, и вовсе не пассивныхъ, безсознательныхъ политическихъ младенцевъ; которые позволяютъ вести себя по какой угодно дорогѣ. Изъ нихъ рекрутируются многіе члены комитетовъ, еще гораздо больше ихъ стоитъ во главѣ районныхъ и заводскихъ организацій, работаетъ въ роли профессиональныхъ агитаторовъ и т. д. Вы думаете, что все это — не „авангардъ“, а безсознательная масса? Вы думаете, что они рабски слѣдуютъ за „интеллигентами“?

Прочитайте рѣчи нашихъ рабочихъ на политическихъ процессахъ, и примите въ расчетъ, что эти процессы устраиваются не для избранныхъ, наиболѣе сознательныхъ единицъ, а для тѣхъ, противъ кого нашлись достаточныя улики для веденія судебного дѣла. Прочитайте исторію движенія въ томъ или другомъ нашемъ городѣ: вы найдете массу проявленій активно-сознательнаго отношенія рабочихъ къ работѣ интеллигентскихъ организацій и комитетовъ. И если, какъ указываетъ сама Роза Люкс., именно массовое рабочее движеніе являлось рѣшающей инстанціей для нашей партійной тактики, если оно опредѣляло ея основныя измѣненія и преобразованія, то неужели возможно было бы достаточно быстрое и успѣшное приспособленіе этой тактики къ новымъ моментамъ рабочаго движенія, если бы наша партія была „интеллигентской“, и въ ней не было „сознательнаго пролетарскаго авангарда“?

Въ изданной меньшинствомъ брошюрѣ Панина дана и конкретная картина того, какъ пролетарскій авангардъ *приспособлялъ* интеллигенцію съ ея тактикой къ потребностямъ рабочаго движенія¹⁾.

Безспорно, что въ нашей партіи сознательный авангардъ пролетаріевъ гораздо малочисленнѣе, чѣмъ въ партіяхъ другихъ странъ, что и уровень его политическаго воспитанія ниже. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ — ничто, что его можно не принимать въ расчетъ, говоря о нынѣшней партіи?

Безспорно, что у насъ интеллигенція играетъ относительно гораздо большую роль, чѣмъ въ другихъ странахъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что она у насъ — все?

¹⁾ Тов. Мартовъ заявляетъ: „Рабочей партіей наша партія пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ея организацій (комитетовъ), въ числѣ членовъ которыхъ процентъ рабочихъ весьма незначителенъ.“

Вотъ онъ, „не-бюрократическій“ взглядъ на партію. Для тайнаго совѣтника Мартова „люди“ начинаются только со статскихъ совѣтниковъ, члены партіи — только съ комитетовъ.

И какая грубая неправда — утверждение Мартова, что „со времени экономизма наша партійная организація по личному составу стала относительно болѣе интеллигентской“?

Кто этому повѣритъ?

Какъ разъ за послѣдніе годы партія наша освободилась отъ значительной части той неопредѣленной оппортунистической интеллигенціи, которая раньше примыкала къ ней потому, что не имѣла другого политическаго прибѣжища: теперь, когда сложилась буржуазная группа „Освобожденія“ и промежуточная партія соц.-рев., туда ушла масса прежнихъ „марксистовъ“. И теперь особенно нелѣпо представлять нашу партію, какъ „интеллигентскую“, когда она такъ сильно страдаетъ отъ недостатка „интеллигенціи“ для тѣхъ функцій, которыя трудно или неудобно выполнять „сознательнымъ пролетаріямъ“.

Нѣтъ, наша партія есть уже не „отчасти“, а *въ значительной мѣрѣ* „дѣйствительно пролетарская“, она не лжетъ, называя себя такою, и тяжесть доказательства по справедливости должна лежать на томъ, кто утверждаетъ противное.

Выдѣленіе пролетарскаго авангарда не „находится въ процессѣ возникновенія“, а есть *совершившійся фактъ*. Этотъ авангардъ растетъ и крѣпнеть; онъ составляетъ основу партіи.

Невѣрна, стало быть, и вторая посылка Розы Люкс., которую она съ чрезмѣрнымъ довѣріемъ заимствовала у нѣкоторыхъ нашихъ литераторовъ, воспринимающихъ настоящее нашей партіи съ далекаго разстоянія черезъ очки прошлаго.

Послѣ этого нѣтъ необходимости разбирать выводы Розы Люкс.: изъ ложныхъ посылокъ нельзя ожидать вѣрныхъ заключеній.

Я убѣжденъ, что большинство русскихъ товарищей согласится съ основной идеей, которая здѣсь высказана:

Организаціонную основу русской социалдемократіи составляетъ развивающійся сознательный авангардъ

русскаго пролетаріата; и условія производственной жизни и условія классовой борьбы дали этому авангарду достаточное воспитаніе въ духъ товарищеской дисциплины, чтобы возможно было приступить къ созданію стройной, по возможности централизованной партійной организаціи.

Одинъ изъ выводовъ.

Великія надежды и великое разочарованіе... За сѣздомъ — междоусобія, за формальнымъ объединеніемъ — реальное разъединеніе; парціализмъ побѣдоносно атаковалъ партійность. Самодержавіе, терпя пораженіе отъ могучаго внѣшняго врага, имѣло утѣшеніе видѣть, какъ сильнѣйшій изъ его внутреннихъ враговъ терпитъ пораженія отъ... самого себя. И если каждый изъ насъ убѣжденъ, что наша молодая партія съумѣетъ пережить и преодолѣть этотъ кризисъ, какъ пережила и преодолѣла другіе, то отъ этого не становится много легче жить и работать въ отравленной атмосферѣ настоящаго.

Задача состоитъ теперь не только въ томъ, чтобы непосредственно положить конецъ неурядицѣ, устранивши ее изъ области *практическихъ* отношеній организаціи и сведя ее къ законной и нормальной *идейной* борьбѣ отгѣнковъ; не только въ томъ, чтобы поскорѣе возстановить партійную дисциплину и культурныя формы партійной жизни. Надо также полностью использовать тяжелый урокъ, — овладѣть всѣми необходимыми выводами изъ невеселаго опыта, который мы переживаемъ.

Для этого надо изслѣдовать причины и проявленія неурядицы такимъ образомъ, чтобы „не обвинять, не оправдывать, а понимать“.

Я начну съ той стороны вопроса, которая больше бросается въ глаза, которая проще и понятнѣе, именно потому, что она лежитъ ближе къ поверхности.

Примемъ за достовѣрное, что для разъединенія партіи на два лагеря существовали вполне достаточныя внутреннія причины, что въ ея жизни имѣлись два теченія, двѣ тенденціи, различіе ко-

торыхъ и перешло въ столкновение, породившее неурядицу.

Но едва мы пытаемся ближе опредѣлить эти теченія, какъ попадаемъ въ самое трудное положеніе — трудное и фантастически-странное.

Вашъ лозунгъ? обращаемся мы къ большинству. — „Партийная дисциплина!“ отвѣчаетъ оно. Почему такъ? спрашиваемъ мы. — „Потому что партийная дисциплина необходима партіи, и потому что именно она нарушается и подвергается нападкамъ“. — Но ради чего и во имя чего подвергается она нарушеніямъ и нападкамъ? — „Спросите у нападающей стороны, она до сихъ поръ не выяснила намъ этого“.

Отвѣтъ сильно насъ удивляетъ, но дѣлать нечего, приходится послѣдовать совѣту. Вашъ лозунгъ? спрашиваемъ мы у другой стороны. „Автономія и кооптація!“ Мы еще больше изумляемся оригинальному сочетанію. Что оно означаетъ?

Намъ объясняютъ, что „кооптація“ — это только средство, но *необходимое* средство для огражденія „автономіи“.

Какой же автономіи вы хотите? Безграничной? — Отнюдь нѣтъ, заявляютъ вожди меньшинства, — мы хотимъ широкой автономіи для мѣстныхъ организацій, но такой, которая совмѣстима со строгой партийной централизаціей; ибо мы — централисты.

Отчего же вы не хотите дать имъ этого? обращаемся мы къ большинству, — что вы имѣете противъ автономіи? — Мы ничего не имѣемъ противъ самой широкой автономіи, поскольку она совмѣстима съ централизаціей, — отвѣчаютъ тѣ. Нашъ уставъ *даетъ* такую автономію мѣстнымъ организаціямъ, а мы готовы до разъясненія и рѣшенія дѣла идти въ этомъ и нѣсколько дальше устава, лишь бы сохранить миръ въ партіи.

Все это неправда, — перебиваетъ другая сторона, — они хотятъ не централизаціи съ автономіей, а бюрократизма, формализма, осаднаго положенія и бонапартизма. Это доказывается тѣмъ,

что они требуют для Ц. К. безусловнаго и неограниченнаго права раскассированія людей и организацій.

Зачѣмъ же это вы такъ? укоризненно обращаемся мы къ обвиняемому. — Никакаго неограниченнаго права раскассированія мы и не думаемъ требовать, отвѣчаютъ тѣ, — такъ что „бонапартизмъ“ есть чистая фантазія; а что касается „бюрократизма и формализма“, то это и есть тѣ приемы, при помощи которыхъ меньшинство создало для насъ „осадное положеніе“; именно оно путемъ „формальныхъ“ приемовъ завладѣло двумя изъ трехъ нашихъ высшихъ учреждений, и съ „бюрократической“ неуклонностью эксплуатируя ихъ въ цѣляхъ подавленія насъ, хочетъ завершить это дѣло „бюрократическимъ“ путемъ кооптаціи.

Тутъ другая сторона снова горячо вступаетъ въ діалогъ. Мы имѣемъ историческую миссію, восклицаетъ она, и намъ мѣшаютъ выполнить эту миссію. Она заключается въ рѣшеніи важнѣйшаго вопроса: *„что и какъ должны мы сдѣлать для того, чтобы русская социальдемократія (прежде чѣмъ наступитъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію“*. — Прекрасная задача, отвѣчаетъ „большинство“, — прекрасная, хотя и формулированная очень неудачно; потому что если бы наша партія не была „хоть отчасти“ дѣйствительно пролетарскою, то она лгала бы, называя себя рабочей социальдемократіей. Но, во-первыхъ, почему „меньшинство“ хочетъ взять себѣ привилегію на эту *общепартійную* задачу? И, во-вторыхъ, почему оно такъ странно приступаетъ къ рѣшенію задачи? Какимъ образомъ можетъ помочь этому рѣшенію „кооптація“ новыхъ интеллигентовъ въ Ц. К., какимъ образомъ — мартовскій 1 § устава, облегчающій вступленіе въ партію колеблющихся непролетарскихъ элементовъ, не склонныхъ къ организаціи, какимъ образомъ — борьба противъ партійной дисциплины, такъ

мало соответствующая классовому духу пролетариата, и такъ много — индивидуалистическимъ склонностямъ интеллигенціи?

Какъ же быть? обращаемся мы уже къ другой сторонѣ: вѣдь дѣло то, выходитъ, не выяснено? — Да, конечно не выяснено, отвѣчаетъ она, и именно поэтому мы протестуемъ противъ всякихъ попытокъ подавленія нашихъ невыясненныхъ стремленій большинствомъ; когда они будутъ выяснены, тогда, несомнѣнно, вся ихъ справедливость станетъ очевидна для всякаго

Итакъ, *разногласія не выяснены*: вотъ центральный фактъ современной неурядицы, фактъ невѣроятный, но несомнѣнный.

Въ исторіи бываетъ, что массы стихійно возстаютъ противъ существующихъ отношеній, не умѣя выяснить, чего собственно хотятъ, во имя чего борются. Но это имъ прѣстительно и исторически пошито; ибо онѣ массы, лишеныя яснаго самосознанія. Но социальдемократія есть *партія классового самосознанія* пролетариата; и чтобы въ такой партіи одна часть возстала противъ цѣлаго, не имѣя яснаго сознанія своихъ стремленій и принципиальныхъ требованій, чтобы она въ теченіе долгаго времени продолжала эту борьбу, не будучи въ силахъ привести эти стремленія и требованія къ ясной формулировкѣ, и все это не смотря на то, что во главѣ этой фракціи идетъ цѣлый рядъ опытныхъ идеологовъ-литераторовъ, несмотря на то, что главное средство выясненія — партійная печать — всецѣло въ ея рукахъ; да, все это кажется невѣроятнымъ, и тѣмъ не менѣе это такъ.

Чтобы это стало возможнымъ, необходимы какія то совершенно особенныя условія, исключительно благопріятныя для реального разъединенія партіи, для поддержанія и разжиганія возникающихъ въ ней конфликтовъ, для обобщенія этихъ конфликтовъ во фракціонную борьбу.

Чтобы опредѣлить эти условія, надо прослѣдить фракціонную борьбу тамъ, гдѣ она выступаетъ всего рѣзче и напряженнѣе, гдѣ она концен-

трируется и выражается всего полнѣе, ибо тамъ дѣйствіе этихъ условій должно быть всего сильнѣе, а потому и всего очевиднѣе.

Гдѣ же это именно? Въ мѣстныхъ комитетахъ, гдѣ ведется основная партійная работа, гдѣ потребности партійной жизни проявляются всего непосредственнѣе и всего интенсивнѣе? Нѣтъ, не тамъ: въ мѣстныхъ комитетахъ отношенія сторонъ довольно сносны, „большинство“ и „меньшинство“ довольно дружно ведутъ общую работу.

Главный очагъ междуособій — *высшій центральный учрежденія партіи.*

Меньшинство группируется вокругъ центрального литературнаго учрежденія, большинство — вокругъ центрального учрежденія практическаго.

Отношеніе это подчеркивается тѣмъ, что къ литературному центру примыкаетъ другая по преимуществу литераторская организація партіи — Лига, прежняя главная крѣпость меньшинства, до заведенія редакціи Ц. О., и *меньшая* часть (около $\frac{1}{5}$ - $\frac{1}{4}$) практическихъ организацій — комитетовъ; къ практическому центру — наибольшая часть практическихъ организацій.

Картина сразу обрисовываетъ намъ тѣ исключительныя условія, которыя были особенно благоприятны для развитія неурядицы: это — *раздвоенность самой партійной организаціи, независимость и отдѣльность организацій литературной и практической.* Централистическая организація съ двумя отдѣльными центрами! Типъ организаціи, идеально приспособленный для... междуособій. И при самомъ его созданіи, которое было одинаково дѣломъ „большинства“ и „меньшинства“ съѣзда, это смутно сознавалось его творцами и выразилось въ устройствѣ „примирительной камеры“ надъ обоими центрами — Совѣта Партіи. Въдѣ самая мысль о примирительной камерѣ возникаетъ только тамъ, гдѣ чувствуется неизбѣжность борьбы.

Не обвинять, не оправдывать, а понимать! Созданіе именно такой организаціи было историче-

ски неизбежно въ силу общихъ условий развитія русской социальдемократіи на ея пути къ объединенію.

Эти общія условія, которыя было бы слишкомъ долго разбирать здѣсь, привели къ тому несомнѣнному и не воплѣвъъ обычному въ исторіи факту, что *главными дѣятелями партійнаго объединенія выступила литературная интеллигенція партіи* (прежде всего — организація „Искры“).

Этой литературной интеллигенціи пришлось не только отразить отъ партіи различныя дезорганизующія силы, которыя пытались въ нее проникнуть изъ несоціалистическихъ группъ общества; ей пришлось не только распространять и охранять идеи пролетарской социальдемократіи, ей пришлось также выполнить очень большую и очень важную часть прямой объединительной организаціонной работы.

Именно въ силу этого литературная интеллигенція партіи ко времени съѣзда и на съѣздѣ представляла изъ себя въ партіи силу, самостоятельно организованную и наиболѣе организованную; и потому наибольшую.

Такое положеніе она постаралась закрѣпить за собою на съѣздѣ въ видѣ организаціи литературнаго центра, независимаго отъ центра практическаго. И практики пошли на это, памятуя громадныя заслуги литературной интеллигенціи, въря въ ея испытанную принципиальную устойчивость, въ ея способность охранить партію отъ идейнаго разброда и шатанія, воспоминанія о которомъ были еще такъ свѣжи.

Но такимъ путемъ создалась двойственная организація, которая оказалась самой удобной почвой для разброда и шатанія *безыдейнаго*...

Исторія уже осудила этотъ опытъ и показала, что система двухъ центровъ всего легче сводится къ ихъ взаимному парализованію. Разъединеніе „теоріи“ и „практики“ въ жизни партійнаго цѣлаго блестяще доказало свою безнадѣжность. Задача будущаго партійнаго съѣзда — ликвидиро-

вать этотъ неудачный опытъ и создать *дѣйствительно единую* организацію.

Таковъ, мнѣ кажется, одинъ изъ важнѣйшихъ и самыхъ очевидныхъ выводовъ изъ нашей неурядицы.

Я не предлагаю опредѣленнаго плана организаціи, я указываю только на существенную организаціонную задачу. Ея практическое разрѣшеніе связано, безспорно, съ извѣстными трудностями; главная изъ нихъ заключается въ томъ, что органъ партіи приходится издавать за-границей, а руководство практической работой возможно только на мѣстѣ — въ Россіи, чѣмъ стѣсняется живое непрерывное организаціонное общеніе „теоретиковъ“ и „практиковъ“ центра. Съѣзду придется считаться съ такими трудностями, — и онъ долженъ преодолѣть ихъ такъ или иначе, потому что разрѣшить задачу все-таки необходимо.

Редакція Центральнаго Органа должна стать частью Центральнаго Комитета партіи. Литераторы и практики должны работать не „параллельно“, а вмѣстѣ и за-одно. Они должны быть *ответственными* одни за другихъ, какъ члены одного цѣлага; они должны всегда и вполне *понимать другъ друга*.

У насъ — все наоборотъ. Ц. К. не отвѣтственъ за Ц. О. и Ц. О. за Ц. К.; поэтому возможны открытыя атаки и систематическая борьба одного противъ другого. Парализуя работу Ц. К. своей агитаціей и полемикой, Ц. О. получаетъ на свою долю больше вліянія въ партіи; защищая свое положеніе, Ц. К. не можетъ не ослаблять вліянія Ц. О. Между разъединенными и борющимися центрами накаплиются все новыя и новыя недоразумѣнія. Силы партіи идутъ богъ знаетъ на что, и передъ лицомъ міровыхъ событій, отъ которыхъ зависить все ея будущее и будущее Россіи, она оказывается раздробленной, ослабленной, нерѣшительной.

А между тѣмъ, въ борьбѣ фракцій ихъ разъединеніе растетъ и становится глубже. Чѣмъ дальше идетъ эта борьба, тѣмъ вѣроятнѣй стано-

вится расколъ: различія и оттѣнки обѣихъ группъ, естественно, развиваются путемъ борьбы, и ихъ взаимное примиреніе становится труднѣе. Надо поскорѣе покончить съ нашимъ „самобытнымъ“ двойственнымъ объединеніемъ и устроиться такъ, какъ это бываетъ у обыкновенныхъ европейцевъ.

Идея не нова, и даже настолько, что это можетъ повредить ей. Я предвижу, на примѣръ, такое „возраженіе“: вы говорите о центрахъ то, что говорили бундисты. — Да, они говорили это, и были правы: они основывались на своемъ организационномъ опытѣ, а ихъ организація, безспорно, совершеннѣе нашей.

Въ только что вышедшей брошюрѣ Н. Рязанова выставляется та же идея единаго центра. Къ сожалѣнію, она заслоняется у Рязанова такими „точками зрѣнія“, за которыми трудно оцѣнить ее въ достаточной мѣрѣ правильно. Для Рязанова и съѣздъ, и вся современная организація партіи — результатъ интригъ „оппортунистической“ старой „Искры“; да и въ организационномъ планѣ Рязанова есть такіе элементы „демократизма“ и „выборнаго начала“, которые просто практически нежизнеспособны. Все это не мѣшаетъ ему говорить въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣльныя вещи; и таковы его взгляды по вопросу о двухъ или одномъ центрѣ.

На съѣздѣ Ленинъ пытался сдѣлать нѣкоторые практическіе шаги въ томъ направленіи, которое такъ рѣшительно намѣчается теперь самой жизнью. Ленинская идея взаимной кооптаціи въ двухъ центрахъ сводилась, очевидно, именно къ стремленію создать нѣкоторую взаимную связь и взаимную отвѣтственность центровъ, а проэктированный Ленинымъ Совѣтъ Партіи, весь выбираемый съѣздомъ, въ извѣстной степени даже являлся бы дѣйствительнымъ единымъ и объединяющимъ центромъ, какимъ отнюдь не можетъ стать нынѣшній Совѣтъ Партіи, зависящій въ своемъ составѣ отъ Ц. К. и Ц. О. Но проэктъ Ленина не прошелъ на второмъ съѣздѣ, а третьему съѣзду уже нельзя будетъ ограничиться полу-реформами въ такомъ родѣ...

Кто же проведетъ необходимую реформу центровъ?

Парти́нное „большинство“ должно взять здѣсь инициативу въ свои руки, потому что для „меньшинства“ это политически невозможно: для него выполнение предлагаемой реформы означало бы потерю самой выгодной позиціи для атакъ противъ „врага“. Да и психологически это для „меньшинства“ невозможно, такъ какъ это означало бы *необходимость для интеллигентской фракціи нашей партиі отказаться отъ самостоятельнаго существованія.*

Туть мы подошли къ самой сущности современной неурядицы, къ вопросу объ ея „реальныхъ основахъ“.

„Двойственное объединеніе“ далеко не новость въ жизни русской социальдемократіи. Очень многіе мѣстные комитеты принимали въ разное время эту форму организаціи: параллельное существованіе двухъ „центровъ“ — интеллигентскаго и рабочаго. И чѣмъ болѣе обособлялась внутренняя жизнь этихъ „центровъ“, тѣмъ сильнѣе выступало безсиліе двуединаго цѣлаго и неурядица въ его отношеніяхъ: какъ разъ то же самое, что наблюдается теперь въ большихъ размѣрахъ въ жизни всей партиі¹⁾.

Дѣло теперь идетъ о борьбѣ обособившейся, интеллигентской по преимуществу, фракціи противъ дисциплины партийнаго цѣлаго рабочей партиі.

¹⁾ Я говорю все это отнюдь *не противъ раздѣленія труда*, а противъ *раздѣленія организаціонной жизни и практической ответственности.* Напротивъ, я считаю заслугой организаціоннаго плана Ленина (Письмо къ товарищу...) подчеркиванье важности раздѣленія труда для плодотворности работы партиі. Боятся вредныхъ послѣдствій раздѣленія труда вообще въ нашей партиі *еще слишкомъ рано* (въ этомъ ошибка организаціонной точки зрѣнія Череванина — „Орган. вопросъ“). Надо только, чтобы организація *жила за одно и работала за одно.* Раздѣленіе труда опасно при томъ условіи, что оно закрѣпляется организаціонной независимостью его частей, и съ этой стороны мы имѣемъ уже всѣ его худшіе результаты въ видѣ современной неурядицы (обособленіе литературнаго труда и его формальная независимость, воплощенная въ особомъ „центрѣ“).

Что именно такова сущность борющихся „оттѣн-ковъ“, это должно быть совершенно очевидно для непредубѣжденнаго наблюдателя:

Вѣдь не случайность же это, что на сторонѣ „меньшинства“ обѣ литераторскія организациі партіи и незначительная часть практическихъ, тогда какъ на сторонѣ большинства — наибольшая часть практическихъ.

Не случайность, конечно, и то, что въ заграничной части партіи, гдѣ рѣшительно преобладаетъ интеллигенція, значительное большинство сторонниковъ принадлежитъ „меньшинству“, тогда какъ въ Россіи, гдѣ партійной интеллигенціи *сравнительно* гораздо меньше, а связь ея съ пролетаріатомъ живѣе, дѣло обстоитъ наоборотъ¹⁾.

Не случайность, конечно, и то, что позиція „меньшинства“ такъ неясна и неопредѣленна въ сферѣ принципиальныхъ вопросовъ, какъ это свойственно вообще интеллигенціи.

Не случайность и то, что при всей неопредѣленности стремленій „меньшинства“, въ его дѣйствіяхъ ясно прорывается окраска анархическаго отношенія къ партійной жизни, а въ его заявленіяхъ „автономія“ выступаетъ противъ партійной дисциплины: все это черты интеллигентскаго индивидуализма.

Не случайность и „кооптаціонное“ упорство „меньшинства“; ибо вѣра въ возможность бюрократической смѣны лицъ уравниваетъ реальныя противорѣчія тенденцій, такая вѣра свойственна русской интеллигенціи въ силу ея историческаго развитія подъ прессомъ бюрократическаго режима, перемѣны въ давленіи котораго всегда воплощаются въ смѣнѣ „князя Ивана“ „княземъ Петромъ“ и т. д.

Наша неурядица имѣетъ свою логику. Переходъ отдѣльныхъ лицъ отъ одной позиціи къ другой можно и слѣдуетъ, конечно, разсматривать, какъ случайность; но не случаенъ тотъ фактъ, что меньшинство, которое, по его словамъ, отста-

¹⁾ Характерно, что и за-границей, насколько мнѣ извѣстно, рабочія группы склоняются больше на сторону „большинства“.

ивало на създѣ независимость Ц. К. отъ Ц. О. (независимость Ц. О. для обѣихъ сторонъ тогда была внѣ сомнѣнія), послѣ създа ведетъ, укрьпившись въ Ц. О., долгую кооптаціонную борьбу противъ независимости Ц. К. *Временныя* положенія той или другой стороны въ борьбѣ политическихъ фракцій нерѣдко совершенно противорѣчатъ ихъ *дѣйствительнымъ и постояннымъ* тенденціямъ, но это и обнаруживается послѣдующимъ быстрымъ поворотомъ на новую позицію и большой устойчивостью этой послѣдней.

Такъ было и съ этой неурядицей: вначалѣ позиціи перепутывались въ борьбѣ, но потомъ онѣ опредѣлились и стали устойчивы: интеллигентски-анархическія тенденціи противъ организаціонно-пролетарскихъ.

Я не хочу, чтобы меня ложно поняли: интеллигентское теченіе нашей партіи отнюдь не то, что чистая интеллигенція, либеральная или демократическая; нѣтъ, дѣло идетъ объ *оттѣнкахъ въ социалистической рабочей партіи*, *оттѣнкахъ*, различіе которыхъ временно усилилось и отношенія обострились благодаря цѣлому ряду преходящихъ условій: необычная роль партійной интеллигенціи въ дѣлѣ партійнаго объединенія, двойственная организація, облегчающая расхожденіе *оттѣнковъ*, и т. д. Именно поэтому, я думаю, нѣтъ основанія опасаться раскола, несмотря на по-истинѣ чудовищное озлобленіе, съ какимъ ведется борьба: въ каждомъ изъ нашихъ противниковъ у насъ есть сильный союзникъ, которому имя — социальдемократъ; и рано или поздно этотъ союзникъ справится съ раздраженнымъ дезорганизаторомъ. Только „невыясненность“ разногласій для нашихъ противниковъ мѣшаетъ имъ видѣть, насколько эти разногласія ничтожны по сравненію съ тѣмъ, что насъ связываетъ.¹⁾

Но чѣмъ больше протянется неурядица, тѣмъ *реально-больше* окажутся партійныя противорѣчія

¹⁾ Т. Плехановъ давно указывалъ на это — правда, тщетно.

къ моменту ихъ необходимой ликвидаціи, потому что противрѣчія усиливаются на почвѣ разъединенія и борьбы. И потому то необходимо, чтобы съѣздъ, который одинъ можетъ все уладить, прои́зшелъ какъ можно скорѣе. Неужели еще мало отравлена атмосфера партійной жизни? И почему боятся того, что съѣздъ, будто бы, сведется къ механическому подавленію „меньшинства“? Партійная интеллигенція слишкомъ важный элементъ партійной силы, чтобы партія рѣшилась пожертвовать такой значительной ея частью, — пусть только „меньшинство“ не доводитъ дѣла до крайности, и вспомнить объ общихъ интересахъ, которые важнѣе частныхъ. „Уступчивость“ должна быть не съ одной только стороны...

„Литераторы“ должны будутъ, вѣроятно, примириться съ тѣмъ, что на этомъ съѣздѣ вліяніе практиковъ выступитъ на первый планъ. Но именно это вліяніе будетъ ручательствомъ за то, что спорные вопросы — о степени и формахъ централизаціи и автономіи и т. д. — будутъ рѣшены не абстрактными разсужденіями теоретиковъ, а выясненіемъ конкретныхъ потребностей пролетарской борьбы...

Довольно съ насъ междуусобій и безсилія. Событія не ждутъ, они развиваются со страшной быстротой, исторія не сегодня-завтра поставитъ передъ нами неотложную задачу, отъ рѣшенія которой будетъ зависетьъ будущее всей нашей партіи, и не только ея одной. При такихъ условіяхъ затягивать теперешнее положеніе становится не простой ошибкой: это историческое преступленіе.

Рядовой.

3 (16) іюля 1904 г.

Органъ безъ Партіи и Партія безъ органа.

Въ досѣздовскій періодъ наша партія представляла собою рядъ кружковъ, не связанныхъ организационно и не отвѣтственныхъ другъ за друга. Изъ общаго правила не исключались и заграничныя издательскіе или литературныя дружки. Россійскіе товарищи могли косвенно, въ качествѣ такъ сказать потребителей, вліять на характеръ и направленіе заграничныхъ газетъ; это вліяніе рѣдко было оформлено, какъ право. Со времени 2-го съѣзда „Искра“ изъ органа кружка преобразована въ центральный органъ партіи. Соответственно измѣнились отношенія между членами партіи и редакціей. Каждый членъ партіи и каждая партійная организація обязаны поддерживать Ц. О. своимъ личнымъ вліяніемъ, устной защитой, сотрудничествомъ, распространеніемъ, матеріальными средствами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и партія въ цѣломъ, и отдѣльныя части ея получили право предъявлять къ редакціи опредѣленные требованія относительно направленія и содержанія органа. Писатель долженъ удовлетворять нужды партіи въ цѣломъ, а не служить частнымъ интересамъ отдѣльных теченій и кружковъ. Редакція, не удовлетворяющая этому основному требованію, должна считаться не оправдавшей довѣрія, не удовлетворяющей своему назначенію. Что касается принципіальнаго направленія органа, то оно должно соответствовать указаніямъ и волѣ партіи. Воля партіи официально выражается на съѣздѣ, который утверждаетъ направленіе и выбираетъ редакцію. Если избранный составъ редакціи не считаетъ возможнымъ проводить принципы, принятыя съѣздомъ, то онъ обязанъ отказаться отъ возложеннаго на него порученія.

Нашъ второй съѣздъ объявилъ старую „Искру“ партійнымъ органомъ, считая, что принципы „Искры“ — его принципы. Чтобы проводить дальше принципы старой „Искры“, признанные на съѣздѣ за принципы партіи, съѣздъ избралъ въ редакторы наиболѣе дѣятельныхъ членовъ редакціи старой „Искры“ (Ленина, Плеханова, Мартова). Оспаривая выборы, меньшинство доказывало, что для дальнѣйшаго проведенія въ жизнь и развитія идей старой „Искры“ долженъ быть сохраненъ полностью прежній составъ редакціи; являясь сторонникомъ этого взгляда, Мартовъ отказался войти въ составъ редакціи, избранной съѣздомъ.

Нынѣшняя „Искра“ не удовлетворяетъ ни одному изъ двухъ основныхъ требованій, которыя предъявляются къ центральному органу партіи.

Переимѣнивъ направленіе газеты, редакція нарушила довѣріе партіи. Думаю, что всякій, знакомый съ старой и съ новой „Искрой“, признаетъ, что мое заявленіе о переимѣнѣ направленія не голословно. Кажется, и сама редакція не скрываетъ, что она взяла новый курсъ. Тѣмъ не менѣе было бы полезно выясненіе вопроса, какъ и въ чемъ, и въ какую сторону уклонилась новая редакція отъ точнаго исполненія воли партіи въ принципиальномъ отношеніи; однако, это выясненіе не входитъ въ задачу моей работы. Я надѣюсь, что названному вопросу въ скоромъ времени будетъ посвящена особая статья одного изъ моихъ товарищей.

Редакція нарушила довѣріе, не удовлетворивъ и второму основному требованію: обслуживать нужды всей партіи; обсуждать явленія внутривпартійной жизни не съ точки зрѣнія кружка, а съ точки зрѣнія партіи.

Та борьба, которая идетъ теперь внутри партіи, лишь въ сравнительно малой мѣрѣ является борьбой изъ-за принциповъ. У насъ, по признанію и члена меньшинства Аксельрода, разногласія даже въ организаціонныхъ вопросахъ впервые ясно и конкретно проявились только въ *методахъ и приемахъ* (курсивъ Аксельрода) проведенія централизма на прак-

тикѣ. Разница въ принципахъ, по признанію Аксельрода, явилась позже.

Разъ возникъ въ партіи споръ о методахъ и приѣмахъ, задачей центрального, общепартійнаго органа становилось добросовѣстное выясненіе достоинствъ и недостатковъ методовъ обѣихъ сторонъ. Конечно, сама редакція должна поспѣшить выработать опредѣленный взглядъ и проводить его, — это не исключаетъ возможности видѣть недочеты у себя и нѣкоторыя достоинства у противника: трудно допустить, чтобы еще до полнаго выясненія вопроса на одной сторонѣ оказались исключительно ошибки, на другой — папская непогрѣшимость. Критикуя приемы и методы обѣихъ сторонъ и проводя свой опредѣленный взглядъ, редакція каждый разъ должна прежде всего неопровержимо убѣдиться въ наличности неудачныхъ методовъ и приѣмовъ; затѣмъ должна ознакомиться съ конкретными условіями, вызвавшими ихъ, и съ мотивами дѣятелей; наконецъ добросовѣстность требуетъ, чтобы обобщенія дѣлались крайне осторожно, чтобы крайности и ошибки отдѣльныхъ лицъ не приписывались всему теченію и не объявлялись его общимъ руководящимъ началомъ.

Къ несчастью для партіи, редакція Ц. О. послѣ ухода Ленина и вступленія Мартова, Аксельрода, Засуличъ и Старовѣра, была поставлена въ невозможность удержаться на высотѣ положенія; она не могла удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ редакціи общепартійнаго центрального органа. Чтобы соответствовать своему назначенію, редакція должна находиться въ тѣсномъ общеніи съ практиками; болѣе того, — въ дружескомъ общеніи. Только при дружескомъ общеніи образуется взаимное пониманіе съ полуслова. При наличности же вражды открывается широкій просторъ подозрительности, лжетолкованіямъ, недоразумѣніямъ, склонности представлять себѣ поступки противника въ черномъ цвѣтѣ; взаимное пониманіе затрудняется до крайности. Оглядываясь теперь назадъ, приходится признать

роковую ошибку, сдѣланную первоначальными редакторами: уходъ Ленина и кооптація, произведенная Плехановымъ, фатально вели и ведутъ къ усиленію раздора въ партіи. Правда, при очень большой силѣ характера и при вполне ясномъ пониманіи своихъ задачъ новая редакція, говоря абстрактно, могла бы сдѣлать надъ собою героическое усиліе, побѣдить личныя чувства обиды и непріязни, временно устранить со страницъ органа слишкомъ рѣзкое обсужденіе большихъ вопросовъ, сблизиться съ противной стороной и заняться добросовѣстнымъ, спокойнымъ ознакомленіемъ, изъ первыхъ рукъ, съ ея пріемами и методами. Ничего этого члены новой редакціи не сдѣлали. Торжествуя побѣду, они съ новой отвагой обрушились на противную сторону, да такъ при одной отвагѣ и остались. Стороны разошлись дальше прежняго, неизмѣримо увеличилась трудность взаимнаго пониманія, нарастали недоразумѣнія. Наконецъ, два видныхъ члена редакціи (Плехановъ и Аксельродъ) на минуту опомнились было и признали наличность недоразумѣній. Казалось бы теперь то и остановиться, теперь то и призвать сотоварищевъ по редакціи къ изученію положенія дѣлъ, къ разсѣянію недоразумѣній. Ничуть не бывало! Редакція не сочла нужнымъ даже кратковременное перемиріе. Походъ противъ пріемовъ и методовъ большинства продолжается. Я попробую на отдѣльныхъ примѣрахъ показать, какими пріемами и методами пользуется редакція въ своей борьбѣ противъ партійнаго большинства.

1. О причинахъ русско-японской войны.

Начну съ вопроса, который повидимому прямо таки невозможно связать съ вопросомъ о „методахъ и пріемахъ“ организациі. Это вопросъ о причинахъ русско-японской войны. Съ объявленіемъ ея комитеты поспѣшили объяснить въ прокламаціяхъ причины событія и его возможныя слѣдствія. Какъ причина, выставлялось исканіе русской буржуазіей новыхъ рынковъ въ Манчуріи и Корей.

Редакція Ц. О. считаетъ это объясненіе недостаточнымъ или, если хотите, даже вовсе неправильнымъ. Прежде даже, чѣмъ соотвѣтственные номера „Искры“ могли сколько нибудь значительно распространиться въ Россіи, въ № 62 отъ 15 марта печатается фельетонъ тов. Т., въ которомъ недостаточное или невѣрное объясненіе причинъ войны объявляется частнымъ примѣромъ пасованія передъ насущными вопросами и ставится въ связь съ партійнымъ дѣленіемъ: „Тѣ товарищи, мысль которыхъ, какъ мышъ въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей, не только не пытаются теоретически и практически искать рѣшенія задачи, но и не пробуютъ ея поставить“.

Насколько мнѣ извѣстно, мысль товарищей работала въ началѣ войны; да и вообще мысль русской социальдемократіи всегда работаетъ; но сознавая себя членами единой партіи, они колебались давать войнѣ объясненіе иначе, какъ въ самой общей формѣ, впредь до полученія лозунга отъ Ц. О., какъ отъ общепартійнаго идейнаго руководителя. Правильно это было или нѣтъ, во всякомъ случаѣ тов. Т. и редакція слишкомъ поспѣшили съ обвиненіями: оказалось, что члены меньшинства въ общемъ объясняли причины войны такъ же, какъ и члены большинства партіи. Уличенный въ облыжномъ обвиненіи противъ большинства, тов. Т. выпалилъ (№ 68): — Но чѣмъ меньшинство безконечно отличается отъ большинства, — такъ это горячимъ желаніемъ учиться, которое психологически опирается на отчетливое сознаніе нашей теоретической малокультурности, нашего политическаго варварства.

Вы ошеломлены, читатель, этимъ наборомъ громкихъ словъ, этимъ повымъ облыжнымъ обвиненіемъ? Не удивляйтесь: когда нужно обвинить большинство, редакція считаетъ доказательства излишней роскошью. Можно бы пройти мимо этого новаго бездоказательнаго обвиненія; но мнѣ всетаки хочется сослаться на какой нибудь авторитетъ. Пе-

релистываю „Искру“ и встрѣчаю указаніе, что если на примѣръ, Петербургскій Комитетъ однажды согрѣшилъ, то за то въ другихъ своихъ прокламаціяхъ сталъ на правильную точку зрѣнія; узнаю, что Николаевскій Комитетъ тоже старался поучиться у „Искры“, — удачно или неудачно, это вопросъ особый. Какъ же Т. проглядѣлъ эти указанія Ц. О. на желаніе учиться, оказавшееся у членовъ большинства? Вѣдь это указаніе сдѣлалъ самъ Т. въ томъ самомъ фельетонѣ № 62, который онъ защищаетъ въ № 68. Но вы думаете, что слова Т. въ № 62 имѣютъ какой нибудь вѣсъ для Т. въ № 68 или въ будущемъ № 78? Сомнѣваюсь! Сомнѣваюсь, потому что помню щедринскаго Балалайкина. Это любопытный феноменъ. Балалайкинь вретъ ради процесса вранья; совретъ и забудетъ; опять совретъ и опять забудетъ; первая фраза противорѣчитъ второй, вторая третьей, — Балалайкинь этимъ не смущается: его занимаетъ не цѣль, а самый процессъ вранья.

Ну, а редація Ц. О.? Не изъ Балалайкиныхъ же она состоитъ? Нѣтъ, конечно. Но ей нужно вести войну противъ большинства, а на войнѣ всѣ средства хороши.

2. Объ Одесскомъ Комитетѣ.

Одесскому Комитету посчастливилось обратить на себя вниманіе Ц. О. Познакомимся съ исторіей, какъ ее пишетъ редація.

Понаѣзжали въ Одессу хлопцы и дѣвицы, и какъ на грѣхъ, — все изъ меньшинства, и стали „пускать критику“. Такъ окольными путями дошла до рабочихъ вѣсть о меньшинствѣ. Спрашиваютъ. Черезъ установленное время получился отвѣтъ: „не вашего молъ ума дѣло, въ свое время узнаете“ (№ 63 стр. 3). Время наѣзда не указано; но еще въ № 60 Л. М. помѣстилъ патетическую тираду противъ Одесскаго Комитета за умолчаніе о съѣздовскихъ разногласіяхъ.

Одесскій Комитетъ (№ 64) оправдывается: „Въ виду отсутствія протоколовъ партійнаго съѣзда и

другихъ печатныхъ матеріаловъ, комитетъ рѣшилъ не касаться на рабочихъ собраніяхъ до полученія этихъ протоколовъ вопроса о большинствѣ и меньшинствѣ, и распряхъ, поднятыхъ меньшинствомъ послѣ съѣзда“. Какъ только матеріалы были получены, комитетъ поспѣшилъ ознакомить рабочихъ съ содержаніемъ разногласій. Кажется, редакція должна быть довольна? Нѣтъ: въ томъ же самомъ № читаемъ жалобу изъ Одессы: „Нашъ комитетъ очень долгое время просто замалчивалъ существующія партійныя разногласія. Какія у него были сообщенія — богъ его вѣдаетъ!.. Но гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно! Объ организаціонныхъ разногласіяхъ заговорили всѣ“.

Что же дѣлалъ, по словамъ этого жалобщика, Одесскій Комитетъ, пока хлопцы и дѣвицы не совершили наѣзда? „Нужно отдать справедливость: что касается агитаціи печатной, Одес. Ком. дѣйствовалъ довольно сносно. До сихъ поръ были выпущены слѣдующіе листки: 1) Японцы-ли наши дѣйствительные враги; 2) Кто нашъ врагъ; 3) Последній козырь самодержавія; 4) Рабочіе и война. Были изданы также: листокъ о 19 февраля 1861 г. и 1 марта 1881 г., брошюра о податяхъ и налогахъ, листокъ къ рабочимъ о еврейскомъ погромѣ — въ общей сложности около 70 тысячъ экземпляровъ. Почти всѣ эти прокламаціи изданы въ собственной типографіи Комитета и напечатаны довольно чисто“.

Наѣздъ хлопцевъ и дѣвицъ имѣлъ послѣдствія; какія вообще имѣетъ появленіе наѣздниковъ. Но увы! въ комитетѣ всетаки продолжали засѣдать сторонники большинства, а посему редакція печатаетъ новую жалобу (№ 68): Всѣ дѣла стали, прокламаціи мало, притокъ денегъ незначительный. Война настойчиво зоветъ къ работѣ, а комитетъ обременяетъ типографію печатаніемъ брошюры о съѣздѣ. „Мнѣ кажется, что нужна полная атрофія политическаго чутья, чтобы въ переживаемый моментъ оставаться безучастнымъ къ событіямъ. Возможно, что я ошибаюсь, возможно, что бездѣ-

тельность проистекает не отъ непониманія, а отъ безсилія. Но это ужъ другое дѣло, здѣсь нужно радикальное средство..." (№ 68).

Такимъ образомъ исторія Одесс. Ком. дѣлится на два періода:

Первый. Комитетъ печатаетъ 70,000 листовъ и молчитъ о смутѣ, т. е. держится „оппортунистической политики затушевыванія разногласій, тактики вредной, деморализующей и недостойной социальдемократовъ“. (№ 60 стр. 3. Подпись Л. М.).

Второй. Появились наѣздки меньшинства. Комитетъ занятъ выясненіемъ разногласій, т. е. „обнаруживаетъ полную атрофію политическаго чутья“. (№ 68, приложение стр. 4).

Что же наконецъ долженъ дѣлать комитетъ большинства, чтобы угодить редакціи? Мнѣ скажутъ: въ силу того то и того то редакція предоставила всѣмъ желающимъ высказываться объ Одесскомъ Комитетѣ. Въ такомъ случаѣ я спрошу: что такое вообще центральный органъ? Идеинный руководитель партіи? Или сточная канава для противорѣчивыхъ периферійныхъ сплетенъ?

3) О Войнѣ.

„Война настойчиво зоветъ къ работѣ, къ воздѣйствію на всѣ слои общества, зоветъ къ пробужденію и ихъ къ политической жизни. Было у насъ, но въ самомъ началѣ войны; нѣсколько прокламацій по поводу войны, но онѣ носили исключительно общій характеръ, тогда какъ послѣдовательный ходъ событій, представлявшій такой выдающійся агитаціонный матеріалъ, совершенно не использованъ. Цѣлый рядъ неудачъ на морѣ, хищеніе и грабежъ въ интенданствѣ и проч., гибель Петропавловска и проч. и проч... Переходъ черезъ Ялу, стремительное наступленіе японцевъ, высадки въ Ляодунѣ, поѣздки царя и обстановка ихъ и т. д... Мнѣ кажется, нужна полная атрофія политическаго чутья, чтобы въ переживаемый моментъ оставаться безучастнымъ къ событіямъ“...

Читатель вѣроятно подумалъ сначала, что я выписываю обвинительное письмо члена большинства противъ „Искры“; онъ подумалъ, что краски немного сгущены, но обвиненіе въ общемъ имѣло основаніе. Законная потребность читателя „Искры“ знать какъ можно больше о войнѣ и слѣдить за ея ходомъ удовлетворяется нашимъ органомъ болѣе чѣмъ плохо. Но затѣмъ читатель встрѣчаетъ уже знакомое выраженіе: „полная атрофія политическаго чутья“. Да, какъ это ни невѣроятно, но это фактъ, что редація печатаетъ противъ мѣстнаго комитета обвиненіе въ томъ, что онъ не слѣдитъ за ходомъ войны въ то самое время, какъ сама чрезвычайно грѣшитъ въ этомъ отношеніи. А къ кому слѣдовало бы предъявлять большее требованіе: къ идейному партійному руководителю или къ мѣстному комитету? Но не забудемъ, что Одесскій Комитетъ — комитетъ большинства! И редація имѣетъ еще при этомъ смѣлость печатать: „Искра“ предоставляетъ Одес. Комитету полную возможность оправдываться!“...

4) О паспортахъ.

Читатель уже знаетъ исторію о томъ, какъ редація требовала паспортъ за двумя подписями отъ товарища Рядового, приславшаго полемическую статью. Рядовой никакихъ особо-важныхъ фактовъ не сообщалъ, никого не компрометировалъ. Если онъ былъ вѣчемъ-либо неправъ, то могъ скомпрометировать только самого себя. Его статья написана въ защиту большинства.

Нѣсколько времени передъ тѣмъ редація печатала письмо „совершенно неизвѣстнаго ей товарища“, дающаго „свое честное пролетарское слово“, что все написанное имъ — правда. Неизвѣстный авторъ, съ указаніемъ города, говоритъ о мѣстныхъ интеллигентахъ, что они интересуются больше скандальными подробностями съѣзда, чѣмъ сущностью разногласій, что они противорѣчатъ другъ другу, что они легкомысленно и поверхно-

стно относятся къ организационнымъ вопросамъ и т. д. Какъ видите, обвиненія такого общаго характера, что и опровергать ихъ невозможно. Но они набрасываютъ тѣнь на мѣстныхъ дѣятелей, — и редакция спѣшитъ печатать письмо неизвѣстнаго автора. Откуда такая поспѣшность? Не берусь рѣшать. Знаю только, что обвиненія направлены противъ одесскихъ товарищей, а въ Одессѣ — комитетъ большинства. Въ этихъ случаяхъ паспортъ не требуется, редакция не опасается „мистификацій“.

5) О редакционныхъ мышахъ.

Въ № 70 редакция объявляетъ, что послѣднія событія (?) въ жизни партіи вызвали громадную литературу; между тѣмъ редакция можетъ удѣлять вопросамъ внутренней жизни партіи лишь определенное мѣсто въ приложеніяхъ. Объ особыхъ правахъ членовъ редакціи печатать статьи по этимъ вопросамъ внѣ приложеній оговорки не сдѣлано. Но какъ разъ въ томъ же номерѣ помѣщены двѣ статьи: Засуличъ увѣряетъ, что Ленинъ стремится быть въ партіи самодержцемъ; Плехановъ тоже выступаетъ въ бой противъ Ленина. Очевидно редакция считаетъ Ленина явленіемъ внѣшнимъ для партіи, а борьбу противъ Ленина — не внутренней борьбой. За миражемъ самодержавія Ленина редакция готова забыть о самодержавіи Романова. Редакціонныя мыши рѣшили, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.

6) Плехановъ противъ Ленина.

Рѣшивъ, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ, Плехановъ помѣстилъ въ № 70 и 71 (не въ приложеніи) фельетонъ-левафанъ противъ одного мѣста изъ брошюры Ленина „Что дѣлать?“. Ленинъ теперь уже окончательно повѣшенъ и Мартовъ безбоязненно можетъ продолжать свое, некстати прерванное, надгробное слово. Стоитъ перечислить всѣ преступленія Ленина, найденныя Плехановымъ въ нѣсколькихъ строчкахъ брошюры. Ле-

нинъ откуда-то взялъ, будто мысль русской революціонно-соціалистической интеллигенціи развивалась совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія... Надо удивляться, какимъ образомъ Ленинъ не знаетъ того, что извѣстно всѣмъ и каждому... „Если бы Ленинъ далъ себѣ легкій трудъ сообразить это, онъ немедленно зачеркнулъ бы то свое положеніе, которое могло имѣть нѣкоторый смыслъ подъ перомъ писателя-идеалиста (курс. Плех.), но является неожиданной бессмыслицей, когда его выдвигаетъ и (слушайте!) отстаиваетъ чедовѣкъ, не безъ успѣха выдающій себя за сторонника матеріалистическаго объясненія истории“... „Какъ же Ленину не стыдно было писать такія... странности?“... Ленинъ противорѣчитъ Марксу и Энгельсу. „Если вы думаете, что правъ Ленинъ, то не называйте себя послѣдователями Маркса и Энгельса“... У Ленина масса — неодоухотворенный сырой матеріаль... „Ленину нужно было очень невнимательно отнестись ко взгляду Каутскаго“... „Каутскій върень марксизму; Ленинъ измѣняетъ ему“... (курс. Плех.) Односторонность свойственна какъ Ленину, такъ и „экономистамъ“. Четвертый періодъ нашего движенія характеризуется вліяніемъ ленинской метафизики... „Такъ-то, твердые товарищи! Вы сами, надѣюсь, видите теперь, что вашъ диктаторъ здорово и — нечего грѣха таить! — постыдно промахнулся“. У Ленина не было права ссылаться на Каутскаго... „Ленинъ не понялъ ни Каутскаго, ни Энгельса, ни Маркса, то есть вообще онъ не понялъ научнаго соціализма въ его отношеніи къ этому вопросу“...

Уфъ, даже рука устала выписывать только одну половину (№ 70) грѣховъ Ленина! Сколько муки долженъ былъ вынести бѣдный Плехановъ въ продолженіе трехлѣтняго незаконнаго сожительства съ этимъ исчадіемъ ада! Странно, конечно, что Плехановъ только послѣ трехлѣтняго интереснаго положенія благополучно разрѣшился своимъ Левіафаномъ, — но объ этомъ послѣ.

Энергія обвиненій, вызванныхъ только одной фразой, приводитъ на память разсказъ Глѣба Успенскаго. Парень нанялся къ купцу сторожить дрова и раскроилъ черепъ нищему, который расположился отдохнуть по близости. Отказывая парню отъ мѣста, купецъ объясняетъ:

— Ужъ больно ты, братецъ, сурьезно служить началъ!

Опасаясь сурьезности Плеханова, я не стану защищать Ленина. Но, чтобы хоть немного выгородить своего Короля-Солнце (см. ст. Засуличъ въ № 70), я попробую предоставить слово самому Плеханову. На съѣздѣ онъ говорилъ:

„Предположимъ даже, что эта фраза была неудачна. То и тогда, слѣдовательно, это доказывало бы, что всѣ остальные наши идеи превосходны. Приемъ тов. Мартынова напоминаетъ мнѣ одного цензора, который говорилъ: „Дайте мнѣ Отче Нашъ и позвольте мнѣ вырвать оттуда одну фразу, — и я докажу вамъ, что его автора слѣдовало бы повѣсить“. Но всѣ упреки, направленные противъ этой злополучной фразы, и не однимъ тов. Мартыновымъ, а многими и многими другими, основаны на недоразумѣніи. Тов. Мартыновъ приводитъ слова Энгельса: „Современный социализмъ есть теоретическое выраженіе современнаго рабочаго движенія.“ Тов. Ленинъ также согласенъ съ Энгельсомъ, а если бы онъ былъ несогласенъ съ нимъ то его дѣйствительно слѣдовало бы повѣсить. Но вѣдь слова Энгельса — общее положеніе. Вопросъ о томъ, кто же формулируетъ впервые это теоретическое выраженіе. Ленинъ писалъ не трактатъ по философіи исторіи, а полемическую статью противъ экономистовъ, которые говорятъ: мы должны ждать, къ чему придетъ рабочій классъ самъ, безъ помощи „революціонной бациллы“. Последней было запрещено говорить что либо рабочимъ и именно потому, что она революціонная бацилла, т. е. что у нея есть теоретическое сознаніе. Но если вы устраните бациллу, остается одна безсознательная масса, въ которую сознаніе должно

быть внесено извне. Если бы вы хотѣли быть справедливы къ Ленину и внимательно прочитали бы всю его книгу, то вы увидѣли бы, что онъ именно это и говоритъ. Такъ, говоря о профессиональной борьбѣ онъ развиваетъ ту же самую мысль, что широкое социалистическое сознание можетъ быть внесено только изъ-за предѣловъ непосредственной борьбы за улучшение условій продажи рабочей силы (Протоколы 2-го съѣзда стр. 123).

Какъ видите, Плехановъ допускаетъ только предположеніе, что фраза была неудачна; онъ считаетъ упреки основанными на недоразумѣніи т. е. отрицаетъ за Ленинымъ всякую наличность преступленія.

Около того же времени, возражая Рязанову, Плехановъ писалъ („Искра“ № 41 отъ 1 іюня 1903 года):

„Ему, изволите видѣть, хочется доказать, что прародительница русской социальдемократіи, Группа Освобожденія Труда, стояла на правильной точкѣ зрѣнія до тѣхъ поръ, пока не была введена въ искушеніе зміемъ-искусителемъ Ленинымъ... Зміи-искуситель вообще никогда ничего не навязывалъ намъ, а всегда дѣйствовалъ въ идейномъ согласіи съ нами, какъ товарищъ-единомышленникъ, нисколько не хуже насъ понимающій великое значеніе правильной теории въ нашемъ дѣлѣ и ни мало не склонный приносить ее въ жертву практикѣ (курсивъ мой). И если проектъ программы, предлагаемый нами Рос. Соц.-Дем. Партіи, имѣетъ свои недостатки, то за эти недостатки мы, — П. Аксельродъ, В. Засуличъ и я, — отвѣтственны ничуть не меньше, чѣмъ Ленинъ или какой нибудь другой членъ нашей редакціонной коллегіи. Рязановъ и иные проникательные читатели, любящіе посудачить на счетъ „Искры“ и „Зари“, очень хорошо сдѣлаютъ, разъ навсегда запомнивъ это мое категорическое заявленіе. Легенда о зміи-искусителѣ... должна быть окончательна оставлена.“

Плехановъ, такимъ образомъ, объявлялъ себя совершенно солидарнымъ съ Ленинымъ. Если Ле-

нинъ измѣнялъ марксизму, то Плехановъ былъ такимъ же измѣнникомъ: своимъ авторитетомъ онъ прикрывалъ ленинскую ересь. Конечно, ошибаться можетъ всякій, — могли ошибаться и Ленинъ, и Плехановъ. Но теперь Плехановъ увѣряетъ, что онъ ни на минуту не ошибался: онъ сразу замѣтилъ ленинскую ересь, и въ доказательство вѣрности своего заявленія ссылается на Мартова, какъ на свидѣтеля.

Замѣчу, что политическаго дѣятеля опредѣляютъ по его публичной дѣятельности, а не по тѣмъ частнымъ разговорамъ, которые онъ могъ вести съ тов. Мартовымъ или съ кумой Матреной. Ссылка на кумовскіе разговоры тутъ не у мѣста. Къ тому же она и излишня. Безъ всякой кумы Матрены мы готовы признать, что Плехановъ фальшивилъ, что онъ вообще способенъ играть фальшивую игру, — для доказательства этого намъ достаточно признанія самого Плеханова. Но если Плехановъ, по неопороченному свидѣтельству Плеханова, способенъ сознательно поддерживать измѣнническіе взгляды, способенъ сознательно фальшивить, то естественно возникаетъ вопросъ: въ какомъ періодѣ онъ больше фальшивилъ? до разрыва или послѣ разрыва съ Ленинымъ? Онъ увѣряетъ, что фальшивилъ только раньше, а теперь ни-ни! Но вѣдь послѣ его признанія мы уже не обязаны вѣрить ему на слово и въ правѣ спросить: если заявленія Плеханова о Ленинѣ лѣтомъ 1903 г. были тезисомъ, нынѣшнія — антитезисомъ, то что сулитъ намъ синтезисъ лѣтняго сезона 1905 г.?

Плехановъ пытается оправдать свою фальшь; онъ объясняетъ, почему „не рѣшился выступить публично“ противъ Ленина, почему „не счелъ нужнымъ осцаривать“ Ленина на съѣздѣ, почему обѣлялъ его. Оправдываясь, Плехановъ высказываетъ горькое сожалѣніе по поводу своей фальши. Однако изъ рѣчи Плеханова на съѣздѣ и изъ возраженія Рязанову видно, что Плехановъ больше, чѣмъ воздерживался отъ публичнаго выступленія противъ Ленина, — даже больше, чѣмъ обѣлялъ:

онъ объявлялъ себя совершенно солидарнымъ съ Ленинымъ. Смягчая этотъ фактъ въ своемъ лѣвѣ-афанѣ, Плехановъ опять немножко сфальшивилъ. Изъ фельетона Плеханова видно, что Ленинъ и до съѣзда и на съѣздѣ ничуть не думалъ считатьъ свою полемическую фразу за историко-философскую теорію. Если такъ, то и спорить теперь Плеханову не изъ-за чего. Спорить съ человѣкомъ изъ-за фразы, которую собесѣдникъ самъ не считаетъ за точное выраженіе своего мнѣнія, значитъ ломиться въ открытую дверь. Изъ-за чего ломится Плехановъ? Онъ приводитъ четыре мотива.

1) По его увѣренію, если въ литературномъ произведеніи встрѣчаются очень вѣрныя и очень ошибочныя мнѣнія, то одобрены будутъ нашими читателями прежде всего не тѣ мнѣнія, которыя вѣрны, а тѣ, которыя ошибочны. Кто эти „наши читатели“? Плехановъ и Ленинъ пишутъ для русской социалдемократіи; кромѣ какъ русскую социалдемократію прямо таки некого разумѣть подъ именемъ „нашихъ читателей“. Вводя такое обвиненіе на русскую социалдемократію, Плехановъ мало того что говоритъ явную нелѣпость: онъ публично и сознательно (хотя и „въ сердцахъ“) клеветаетъ на всю партію.

2) Ленинъ, какъ убѣдился Плехановъ послѣ съѣзда, не только не пошелъ впередъ, т. е. не только не отказался отъ прежнихъ ошибочныхъ взглядовъ (которыя Плехановъ раньше объявлялъ вѣрными), но обнаружилъ недвусмысленное стремленіе къ диктатурѣ. Обвиненіе это приведено голословно.

3) Послѣ съѣзда Плехановъ убѣдился, что взглядъ на рабочихъ, какъ на неисторическій элементъ исторіи, опредѣлили собою тактическія и организационныя понятія какъ самого Ленина, такъ и многихъ „твердыхъ“ практиковъ. Опять никакихъ доказательствъ.

4) Люди, раздѣляющіе нынѣшніе организационныя взгляды Ленина могутъ позволить себѣ очень большую независимость отъ рабочаго движенія во-

обще и въ своей практикѣ уподобиться заговорщикамъ добраго стараго времени. Изъ контекста можно заключить, что стремленіе къ независимости отъ рабочаго движенія дѣйствительно наблюдается среди членовъ „большинства“. Фактъ опять ничѣмъ не доказанъ.

Итого: одно голословное обвиненіе противъ Ленища, два голословныхъ обвиненія противъ „большинства“ и одна завѣдомая клевета противъ всей Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи („нашихъ читателей“), — вотъ какая тяжелая артиллерія понадобилась Плеханову, чтобы обълить себя, чтобы оправдать появленіе на свѣтъ своего незаконнаго левіафана. Дорогонынко обходится партіи самообъявленіе Плеханова!

И опять самъ собой возникаетъ вопросъ: когда было больше фальши въ словахъ Плеханова, лѣтомъ ли 1903 г. или лѣтомъ 1904? Въ виду очевидности клеветы на всю партію и ради чести самаго Плеханова, какъ члена этой партіи, я склоненъ думать, что лѣтомъ 1903 года фальши было меньше.

Поетъ ли теноръ о первомъ сладкомъ трепетѣ любви, о надеждѣ, торжествѣ, разочарованіи, ревности и ненависти, — онъ овладѣваетъ нашимъ настроеніемъ; онъ измѣнчивъ, какъ настроеніе, и въ правѣ быть измѣнчивымъ. Но политическій дѣятель — не пѣвецъ; онъ не въ правѣ мѣнять опредѣленія истиннаго и ложнаго въ зависимости отъ настроенія, которе въ свою очередь зависитъ отъ взгляда предмета сердца или погоды. Импрессионизмъ, въ извѣстной мѣрѣ законный въ искусствѣ, неумѣстенъ въ политикѣ и въ наукѣ.

Но даже и импрессионистское творчество имѣетъ свои законы: соответствіе между содержаниемъ и формой, гармонія частей обязательны и для импрессиониста. Левіафанъ Плеханова, по отсутствію чувства мѣры, по своей крикливой, дисгармонической „сурьезности“ напоминаетъ не столько произведеніе опытнаго литератора, сколько беспорядочныя выкрикиванія разгнѣванной фельдфебельши.

Ахъ! Они любили другъ друга такъ долго, такъ нѣжно! Онъ былъ для нея краше: солнышка! Но онъ охладѣлъ, отопелъ, — и объявила она его аспидомъ. Мы ее понимаемъ, мы даже въ извѣстной мѣрѣ сочувствуемъ ей. Но жалокъ и смѣшенъ политическій дѣятель, когда онъ раздражается проклятіями противъ мнимаго Донъ-Жуана, являясь передъ публикой въ растрепанномъ капотѣ обольщенной дѣвицы.

7. Объ агентахъ Ленина.

Въ письмѣ къ Каутскому („Искра“ № 68) Аксельродъ говоритъ:

„Ты правъ въ своемъ предположеніи, что разногласія между нами и сторонниками Ленина въ *Ros-sin* (въ примѣчаніи добавлено: „если не говорить объ агентахъ, специально направляемыхъ имъ отсюда въ Россію“) покоятся въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніяхъ. Большинство этихъ товарищей не знакомы съ протоколами сѣздовъ Партии и Лиги и почти вовсе не читали „Искру“ за періодъ нашей внутренней борьбы. Главнымъ источникомъ для ихъ освѣдомленія является Ленинъ и его агенты“.

Боясь, что я недостаточно знакомъ съ заграничными конспиративными обычаями. Но все же мнѣ кажется, что не совсѣмъ удобно называть публично лицъ, которыя непосредственно завѣдуютъ отправкой въ Россію агентовъ съ революціонными цѣлями. Я не слышалъ, чтобы имена такихъ лицъ публиковались какой-либо партіей, — и я лично не считалъ бы себя въ правѣ, еслибы зналъ, публиковать имена тѣхъ членовъ меньшинства, Бунда, польскихъ партій, соц.-революціонеровъ, освобожденцевъ и проч., которые завѣдуютъ или занимаются отправкой агентовъ въ Россію. Если бы я узналъ, на примѣръ, что этимъ дѣломъ завѣдуетъ или занимается Аксельродъ, то я подумалъ бы, что опубликованіе такого факта привлечетъ на Аксельрода особенное вниманіе царской полиціи и отпугнетъ отъ сношеній съ Аксельродомъ лицъ, легально

привъзжающихъ изъ Россіи; послѣднее обстоятельство, сокративъ кругъ знакомства Аксельрода, облегчить еще болѣе шпіонскій надзоръ за „агентами“, ограничивъ въ тоже время сферу возможнаго личнаго вліянія Аксельрода на товарищей, легально привъзжающихъ изъ Россіи.

Какимъ же образомъ данная часть письма Аксельрода могла появиться въ печати? Неужели меньшинство дошло до *такихъ* приемовъ борьбы противъ Ленина? Или эта публикація сдѣлана по недосмотру? Нѣтъ, читатель, и члены редакціи, и Аксельродъ слишкомъ старые и опытные революціонеры, чтобы позволить такіе приемы борьбы или допустить такой грубый промахъ. Если же они сдѣлали данную публикацію, то только потому что знали, что посылка агентовъ Ленинымъ — не болѣе какъ заграничная сплетня. Они все время изображаютъ партійное большинство, какъ безсловесное стадо въ рукахъ ловкаго Ленина; въ соотвѣтствіе съ этой основной клеветой на цѣлую половину партіи имъ необходимо, конечно, изображать членовъ большинства, которымъ случается поѣхать въ Россію, какъ злоумышленныхъ ленинскихъ агентовъ.

Только и всего! А впрочемъ думайте о правдивости Аксельрода и редакціи, что хотите...

Я хотѣлъ показать, что нынѣшняя „Искра“ относится къ вопросамъ внутрипартійной жизни, какъ органъ кружка, а не какъ органъ партіи. Возможно, что читатель изъ приведенныхъ мною фактовъ выведетъ другое заключеніе: онъ можетъ быть скажетъ, что „Искра“ всетаки является не кружковымъ, а центральнымъ органомъ, — только не партіи, а центральнымъ органомъ личныхъ счетовъ, сплетни и клеветы на Р. С.-Д. Р. Партію въ

цѣломъ, на ея отдѣльныя части и отдѣльныхъ лицъ. Противъ такого вывода я не стану особенно спорить...

Кто же виноватъ въ такомъ, нѣскольکو неожиданномъ, превращеніи Ц. О.?

Валить всю вину на нынѣшнюю редакцію нельзя. Она можетъ быть и хотѣла бы видѣть „Искру“ центральнымъ органомъ партіи, да не умѣетъ этого сдѣлать. Паденіе ея шло сначала довольно медленно, потомъ все быстрѣе: не встрѣчая достаточно энергичнаго отпора со стороны общественнаго мнѣнія партіи, редакція постепенно распоясывалась. Не встрѣчая достаточно энергичной критики, редакція увѣрилась въ своей непогрѣшимости и становилась все небрежнѣй.

Въ нашемъ отношеніи къ партійному органу сказался пережитокъ кружкового періода: мы предоставили редакціи вѣдать дѣло такъ же безконтрольно, какъ вѣдали его досѣдовскіе литературскіе кружки. Выдвинувъ тезисъ положительной работы, мы забыли, что правильное веденіе *нашего* органа, а слѣдовательно и воздѣйствіе на него — тоже положительная работа. Главное же, мы забыли, что Ц. О. является въ извѣстной мѣрѣ представителемъ партіи: поскольку редакція компрометируетъ органъ, она компрометируетъ, тормозитъ и убиваетъ нашу положительную работу. Попытка отмолчаться, уйти отъ дразги въ другую работу, покинувъ органъ на произволъ нынѣшней редакціи, — эта попытка превращается въ уклоненіе отъ исполненія трудной партійной обязанности сдѣлать органъ достойнымъ партіи.

Центральный органъ долженъ объединять партію. Читая свѣже-вышедшій номеръ, мы должны всѣ, безъ различія оттѣнковъ, чувствовать себя социальдемократами, членами единаго великаго цѣлага. Центральный органъ долженъ быть для насъ такой же святыней, какъ красное знамя во время демонстраціи и въ моментъ возстанія.

По отношенію къ партійному большинству ре-

дакція превратила наше священное красное знамя
въ казацкую нагайку.

Что жь, это отчасти заслужено нами: уклонение
отъ прямой, хотя и трудной, партійной обязанности
не проходитъ безнаказанно для партіи.

Галерка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Галериа.	Наши недоразумѣнія	3
Его же.	Недоразумѣнія разсѣялись!	24
Рядовой.	Наконецъ-то!	33
Л. М.	Отъ редакціи („Искры“)	39
Рядовой.	Отвѣтъ Л. М.	40
Его же.	Къ свѣдѣнію читателей, которые пожелали бы сотрудничать въ „Искрѣ“.	43
Его же.	Роза Люксембургъ противъ Карла Маркса	46
Его же.	Одинъ изъ выводовъ	60
Галериа.	Органъ безъ Партіи и Партія безъ органа	72





